

ТАТЬЯНА МАТУШ

ПОБЕДА

БЕРЕГИ СВОЙ ОГОНЬ

Каково это — на свое 16-летие узнать, что еще с рождения ты продана. За дорого! За очень дорого — но разве это что-то меняет? Джоули Макферсон не собирается подчиняться чужим решениям, даже если по ее следам пойдет самый влиятельный мафиозный клан в городе.

1.

— Эй, Мария-Антуанетта-Франсуаза Восемнадцатая, ты на дискотеку идешь?

Я пожала плечами, привычно пропустив подколку мимо ушей. Да, имя у меня странное, вот друзья и развлекаются.

Меня зовут Анна Ребекка Джоули... Да-да, физик наш тоже оттянулся по полной программе. Чем думала моя мама, давая единственной дочери такое нелепое имя? Впрочем, понять, чем моя мама руководствуется в жизни — та еще задачка, и, признаюсь честно, мне она не по зубам. Джанет Макферсон — странная женщина. Об этом я слышала не раз и не два. Сначала обижалась, даже пробовала «вступаться за семейную честь», отстаивая ее кулаками. Понимания не встретила ни у кого. А, став старше, начала присматриваться и задумываться о вещах, которые раньше как-то проходили мимо сознания.

Ну, допустим, где мой папа — вопрос некорректный. Мало ли... Ошибка молодости. Мама выглядит так, что ее принимают за мою старшую сестру. Должно быть, когда она встретила папу, была совсем девчонкой. Наверное, и он был не старше. Плохая история — но обычная.

А вот почему она потом, после, так и не вышла замуж? Джанет редкая красавица, это признают даже те, кто цедит ее имя сквозь зубы и после каждого слога сплевывает. Плюс — нехилое состояние. Я как-то спрашивала у нашего поверенного, мистера Праттчера, и он сказал, что состояние семьи Макферсон на данный момент составляет порядка двадцати трех миллионов, в основном, в акциях, ценных бумагах и недвижимости.

Красотка, да с приданым — завидный куш. И не то, чтобы никто на него не облизывался — мужчин вокруг нее всегда крутилось много, но... я же была уже большая, когда до меня начали доходить все эти странности. Мужчины крутились, но по очень отдаленным орбитам. У мамы не было никого. Не только мужа, но даже друга, за это я могла поручиться, в одном доме такие вещи не спрячешь, даже если это большой дом.

Как-то я набралась нахальства и спросила ее об этом прямо. Джанет не рассердилась. Она вообще редко выходила из себя, таких флегматичных созданий и специально искать — не найдешь. Просто повела точеным плечиком и медленно, раздумчиво поинтересовалась:

— А зачем мне это нужно? Деньги у меня есть. Покровительства я не ищу. Карьеру делать не собираюсь. Дочку родила...

Вот и поговори с такой! Здравый смысл — единственная вещь в мире, с которой не поспоришь. И я отстала.

— Инфанта?! — дернула меня Марта, — я вообще-то с тобой разговариваю, а не с пролетающим мимо облаком!

— Прости, — повинилась я, — Задумалась. Дискотека — это здорово, но тащится туда с Тимом... или Диком, не велика разница.

— Ну, не скажи, — сощурилась подруга, — Тим — лапочка, а этот Дик — брр! Во сне

увидишь — подушкой не отмахнешься! Еще этот шрам его через все лицо.

— Ну, он же телохранитель. Профессиональный риск, — вяло возразила я. Дик мне и самой внушал иррациональный ужас: огромный, молчаливый, с кошачьим слухом и кошачьей реакцией. Телохранителем он был отменным... но не для молодой девушки.

— А отделаться от них ты никак не можешь?

— Может, еще подскажешь, как? — огрызнулась я.

— Да я то подскажу. А вот у тебя хватит пороху воспользоваться?

— Ты о чем? — насторожилась я. Уроки уже закончились, мы, не торопясь, брели через школьный двор и остановились у фонтана, якобы поправить гольфы. Стояла чертова апрельская жара, слава Создателю, жакеты и галстуки по такому случаю отменили, но гольфы — это святое! Гольфы мы обязаны носить, даже если в новостях объявят о скором конце света, а во дворе школы появится четверка всадников Апокалипсиса.

— У тебя воротник завернулся, — сказала Марта и потянулась поправить. Ее ловкие пальчики скользнули по блузке и... кажется, что-то упало в нагрудный кармашек. Что-то очень маленькое и плоское.

— Порошок, — шепотом пояснила подруга, — моей маме доктор выписывает от бессонницы. Их отпускают строго по рецепту, но я выпросила один, сказала, что плохо сплю. Подсыплешь своему Дику в кофе — и проблема снята.

— А ты уверена, что одного порошка хватит? Сама же видела, какой он шкаф?

Марта на мгновение задумалась.

— А, ладно! Добуду второй. До субботы еще есть время. Так ты идешь?

— Иду, — решила я, — добывай порошок!

* * *

У ворот меня ждал огромный как вагон «Рендж-Ровер» и Дик собственной персоной. Он молча оглядел меня внимательным, рентгеновским взглядом, кивнул: то ли поприветствовал, то ли подтвердил, что охраняемый объект, одна штука, в целости и сохранности принят под личную ответственность. И распахнул дверцу.

Насколько веселее была дорога от школы до дома, пока я гоняла на скутере! Но вот уже год, как скутер был заперт в гараже, и если я куда выезжала, то только на этом танке и в сопровождении телохранителя. Другие развлечения тоже оказались под запретом. И если на скалодром меня еще со скрипом, но отпускали, то о восхождениях пришлось забыть. А ведь у меня были неплохие результаты! Я уверенно шла к титулу чемпионки штата.

Когда Джанет объявила, что на соревнования я не еду, и вообще, со всяческим экстримом пора заканчивать — у меня первый раз в жизни случилась истерика. Но маме удалось настоять на своем.

Черт! Когда тебе всего пятнадцать — маме всегда удастся настоять на своем.

С тех пор прошел год. Месяц назад мы в очень узком кругу: я, Джанет и Тим — отпраздновали мое шестнадцатилетие. Мама по этому поводу почему-то нервничала больше меня и даже позволила себе выпить лишнего. Тогда я впервые в жизни увидела Джанет пьяной и чем-то всерьез расстроенной. Или встревоженной. Но тогда я не придавала этому значения. Мало ли у взрослых поводов для тревоги.

Знать бы заранее!

Я живу в мансарде. Сколько себя помню — моя комната всегда была здесь. Обожаю ее за то, что из окон видно небо! Лежать на ковре, раскинув руки, и смотреть в небо, представляя себя там, в голубой бездне, парящей над городом и скалами — всегда было лучшим в мире развлечением.

Ковер я тоже помнила давно. Вернее, не ковер — гобелен. В чем между ними разница, не знаю, но Джанет всегда настаивала, что это именно гобелен и очень старинный. Не знаю на счет возраста: нитки на нем оставались такими же яркими, как в тот день, когда я впервые осознала, что изображено на огромном куске ткани: прозрачное горное озеро, окруженное небольшим хвойным лесом. Лазурный купол неба над ним. И тени, парящие высоко-высоко. В детстве я принимала их за орлов. И только потом рассмотрела как следует — это были драконы.

И сам гобелен — это я тоже поняла не сразу, был не просто картиной. Это было окно... Если присмотреться, в самом низу, там, где заканчивался сложный орнамент, виден был край скального выступа. Или, даже, скорее — карниза. Такое ощущение, что камень был обработан. Грубовато, конечно, но уж как сумели. Если отрешиться от действительности, которая в последнее время не радовала, можно было легко представить себя сидящей в башне старинного замка, этаким горной цитадели, стоявшей над озером, и наблюдающей из окна, как парят в лазоревом небе черные драконы.

Медитируя так, я отчего-то чувствовала себя необыкновенно счастливой!

Сегодня помедитировать не удалось. Джанет встретила меня на крыльце. Она была какой-то странной. То есть, еще более странной, чем обычно.

— Ничего не спрашивай, — бросила она на ходу, — я потом тебе все объясню. Поднимайся к себе, я пришлю Софи, она поможет тебе одеться и причешет.

— У нас гости? — удивилась я. Час был, мягко говоря, не приемный: середина рабочего дня. Впрочем, Джанет никогда в жизни не работала, так что ее такие мелочи не волновали. Полагаю, если есть на свете одна такая Джанет, то найдутся и другие. Вопрос в том, зачем на их посиделках я? Впрочем, она сказала, что потом все объяснит.

Софи уже ждала меня наверху. Увидев, во что мне предстояло облачиться, я в первый раз заподозрила неладное.

Дело в том, что Джанет довольно резко пресекала все мои попытки выглядеть взрослее и женственнее. Увидев в первый раз на моем туалетном столике косметичку, она ее просто выкинула и распорядилась убрать зеркало. Шорты, джинсы, клетчатые юбки в складку — вот то, что составляло мой гардероб. Даже за право носить красивое белье пришлось побороться. Мама словно не видела, или, вернее, не хотела видеть, что я взрослею.

— Это нормально, — объяснила мне Марта, когда я поделилась с ней своими подозрениями, — Джанет — красивая женщина, и она не хочет стареть. А если дочка выросла — значит, мама состарилась.

Я приняла это объяснение и долгое время не спорила. В конце концов, фигура у меня такая, что принять за маленькую девочку довольно трудно. А шорты и топ можно носить так, что все парни будут сворачивать шеи... Они и сворачивали. А Джанет бесилась. Закончилось все тем, что в нашем доме появились Тим и Дик.

Сейчас на тахте лежало кремовое платье. Очень взрослое облегающее платье, даже с небольшим декольте. Под него полагалось такого же цвета, тончайшее белье, чулки и туфли с закрытым мыском, на изящной шпильке.

— Одевайся, — поторопила меня Софи, — не заставляй мадам ждать.

Я послушно влезла в платье: оно оказалось точно по размеру и обтянуло меня, как вторая кожа. Очень хотелось посмотреть, как я выгляжу, но зеркало как унесли год назад, так и не вернули.

Софи усадила меня на стул, распустила простенькую школьную косу, расчесала волосы и принялась сооружать что-то типа прически. Все страньше и страньше... Когда на свет появился набор визажиста, я решила, что умерла и попала в рай. Неужели Джанет, наконец, поняла, что я выросла? И теперь для меня начнется совсем другая жизнь? Может быть, и снотворный порошок не понадобится, а на дискотеку я смогу пойти вполне легально?! Это было бы даже слишком хорошо.

По лестнице я спускалась одна, Софи осталась наверху, прибраться. Двери в гостиную были приоткрыты. Я услышала негромкие голоса. Один из них принадлежал Джанет и был неестественно любезен. Другой, низкий и совершенно незнакомый — мужчине. Я невольно прислушалась.

— Я и так ждал лишний год, госпожа Джанет, — говорил этот голос, спокойный и совершенно уверенный в том, что спорить с ним охотников не найдется, — вы просили у меня этот год, я вам его предоставил. Больше я ждать не намерен. Мой отец, если вы помните, получил свое, когда вам исполнилось пятнадцать. И ваша матушка ничуть не возражала.

— Я была другой, — сказала Джанет. В тот момент во мне впервые шевельнулось что-то вроде уважения к ней. Она пыталась возражать этому типу, — Джоули еще ребенок.

— Хм... Позвольте не согласиться с вами, мадам. Мы следим за вашим родом на протяжении веков, и можем сказать уверенно — к пятнадцати девушки полностью созревают, чтобы исполнить свое предназначение. Джоули шестнадцать. И — обстановка в кланах такова, что я вынужден настаивать на своем праве.

«В кланах... Кланами в нашем городке называли банды. Неужели там, в гостиной, сейчас один из предводителей этих шаяк? Но почему Джанет выслушивает его бред, а не звонит копам? Может, позвонить мне?!

В этот момент в конце коридора возник Тим и, заметив меня, стоящей под дверью, укоризненно покачал головой. Я вздернула бровь. Он снова покачал головой и подбородком указал на гостиную. Я поняла, что, если сейчас не войду, то меня туда просто втолкнут. Что происходит?

В гостиной был мягкий полумрак, кто-то задернул шторы, вероятно, чтобы спастись от жары. Джанет стояла спиной к холодному сейчас камину и держала в длинных, красивых пальцах высокий бокал. Услышав, как с легким скрипом открылась дверь, она стремительно обернулась, едва не расплескав содержимое. Увидев меня в новом платье, на каблуках и с взрослой прической, Джанет на мгновение прикрыла глаза, словно видеть все это ей было невыносимо.

А когда она их снова открыла, это были уже знакомые мне спокойные серо-голубые озера, незамутненные никакой печалью.

Она сдалась.

2.

— Мисс Джоули, рад вас приветствовать, — я обернулась на голос.

Может, он был предводителем банды, но скорее, его можно было принять за парня с

Уолл-стрит или за очень дорогого адвоката. Сперва я отметила элегантный серый костюм от Brioni и сверкающую белизной сорочку, затем булавку в галстуке, вот провалиться мне на месте, если это не настоящий камень! И только потом подняла глаза и посмотрела в лицо загадочного гостя.

Красив, без сомнения. Вытянутое лицо, тонкий нос с горбинкой и немного нервными крыльями ноздрей, красивые губы. Подбородок узкий, но жесткий. Брови чуть сдвинуты к переносице. Темные глаза смотрели на меня внимательно и бесстрастно, как глаза оценщика во время экспертизы какого-нибудь брильянта. Впрочем, взгляд был весьма одобрительный, видимо, я получила высокую оценку.

— Ну что же вы меня в заблуждение вводите, Джанет, — улыбнулся он, — юная леди вполне... взрослая. Я уверен, о молодых людях она уже думает.

— Джоули чиста! — отрезала Джанет.

— В этом я ничуть не сомневаюсь, — так же бесстрастно произнес этот невозможный тип, — что ж... Мисс Джоули, у меня для вас сразу две отличные новости.

— Именно для меня? — спросила я. От волнения голос прозвучал хрипло, и я с трудом подавила порыв прокашляться, — Я, было, решила, что разговор у вас между собой, а я тут просто в качестве интерьерной детали.

— Джоули! — одернула мама.

— Не стоит, — гость вскинул руку, крупный черный камень в запонке сыпанул искрами, заставляя опустить глаза, — Джоули, две новости...

Он явно требовал к себе внимания. Что ж... Я была готова слушать.

— Ровно через шесть дней, в воскресенье, ваша жизнь изменится.

— Изменится? — переспросила я, — как?

— К лучшему, — уверенно сказал гость, — во-первых, вы станете богаче на один миллион долларов.

— А во-вторых? — спросила я.

Гость повернулся к Джанет:

— А она мне уже нравится! Честное слово, жаль, что между нами не может быть ничего, кроме... ритуала. При другом раскладе я бы не отказался за ней поухаживать. Разумеется, с самыми серьезными намерениями.

— Этого не будет, Харвест, и Слава Всевышнему! — в своей обычной флегматичной манере перебила Джанет.

— Во-вторых, — тип, которого мама назвала Харвестом, снова повернулся ко мне, — Ваше положение тяготит вас... Насколько мне известно.

— В каком смысле? — удивилась я.

— Телохранители. Постоянный надзор. Видеокамера в спальне. Отказ от спортивной карьеры.

— С этим можно что-то сделать? — как я не старалась владеть собой, голос дрогнул.

— Уже в понедельник вы будете совершенно свободны. И сможете вести жизнь обычную для молодой девушки.

— Хотите сказать, все, что со мной делали весь прошлый год, делалось по вашему приказу? — я чуть не задохнулась от злости, — Какое право вы имели ломать мне жизнь?

— Полное и абсолютное, — невозмутимо ответил Харвест, — я эту жизнь создал. Я — и десять поколений моих предков.

— Джанет? — я повернулась к матери.

— К сожалению, Харвест совершенно прав, дочка, — она пожала плечами, — за все нужно платить. Нам еще повезло — мы платим только один раз, а потом полностью свободны. Миллионам женщин гораздо хуже — они за то же самое платят всю жизнь. И никогда не бывают полностью свободными.

Гость смерил Джанет сложным взглядом, состоящим из презрения и... понимания. И подытожил:

— Я посмотрел на мисс Джоули. В следующий раз я приду в воскресенье. Девушка должна быть готова. Я не хотел бы обходиться с ней грубо, но если мне придется это сделать — я не буду колебаться.

— Не сомневаюсь в этом, — хмыкнула Джанет.

— Деньги вам переведут в понедельник. Всю сумму сразу, как и договаривались.

Харвест коротко кивнул Джанет, чуть более глубоко — мне и вышел, бесшумно притворив за собой дверь гостиной.

— Что это за тип? — воскликнула я, едва легкие шаги гостя стихли, — что за чушь он нес? Какие ритуалы, он что, собирается пить мою кровь или есть сердце?

— Нет, моя девочка. Все куда проще и банальнее. Никаких кровавых ужасов. Вернее — кровь будет, но совсем немного.

— Объясни! — потребовала я.

— Харвест станет твоим первым мужчиной.

* * *

Я сидела в мансарде с видом на гобелен и пыталась уложить в голове то, что только что, со своим обычным отрешенным спокойствием, поведала мне Джанет.

Глупо, но я никогда не интересовалась, откуда взялось благосостояние нашей семьи. Есть — и хорошо. Как-то спокойней жить с двадцатью тремя миллионами в защечных мешках. Но оказалось, что за все в жизни нужно платить. И сейчас наступила моя очередь. Мама мне и так целый год выговорила.

— Джоули, не воспринимай это так трагично, — мама пожала плечами, вне всяких сомнений, самыми красивыми в этом городе, а может и во всем штате, — первая близость очень редко происходит по неземной любви и с будущим супругом. Чаще это просто любопытство. И совсем нередко — насилие. Допустим, ты отдашь себя какому-нибудь из этих мальчишек, которые ходят за тобой хвостом и готовы есть из рук. Ты думаешь, что испытаешь неземное блаженство? — Джанет грустно рассмеялась, — Боль и разочарование — вот что ты почувствуешь, Джоули. И твой мальчик это поймет. Ему станет стыдно, ты ощутишь вину. Из вины и стыда вы попытаетесь слепить свое счастье, но это не тот материал, который нужен. Вы скоро расстанетесь. Но еще долго при мысли о мужчинах ты будешь вздрагивать. Пока не найдется тот, кто разобьет ледяной панцирь. Если найдется...

— На собственном опыте? — желчно спросила я.

— Конечно. А откуда еще берется подлинное знание жизни, глупышка.

— Отец этого... Харвеста, — его имя я почти выплюнула, — он с тобой тоже... не церемонился? Поэтому ты до сих пор одна?

— Харвест другой. Он тебя не обидит.

— Ты сама то в это веришь? — удивилась я.

— Если ты поведешь себя правильно, — Джанет взяла меня за руку, — Я абсолютна

уверена, если ты придержишь свой характер и хотя бы попытаешься быть ласковой, Харвест сделает все, чтобы тебе было хорошо. Он может быть очень нежным.

— Откуда ты знаешь?

— От его подруги, — спокойно, как о само собой разумеющемся, сказала Джанет, — я навела справки. Я же беспокоилась за тебя, Джоули.

— И... давно ты об этом знаешь?

— Со дня твоего рождения.

— Конец света! — Я запустила пальцы в волосы и с силой потянула, — Мама, но это же дичь полнейшая! Сейчас двадцать первый век, откуда взялось это дремучее «право первой ночи»? Зачем оно этому Харвесту, ты можешь мне сказать?

Джанет не могла. Она и сама плохо понимала этот механизм, да и не интересовалась подробностями. Свой долг перед семьей она выплатила в пятнадцать, потом родила меня... не знаю, от кого, но сильно подозреваю, что и этот вопрос решила ее мамуля. А после Джанет занималась исключительно финансами. С ее нервами, а вернее, их отсутствием, игра на бирже была отличным занятием. За шестнадцать лет она удвоила семейный капитал. И была вполне довольна жизнью. Вот только мой срок, который неумолимо приближался, заставлял ее немного... переживать.

— Я не буду в этом участвовать! — я вырвалась из ласковых объятий и отошла к окну. Небо еще и не думало темнеть. За окном кружили птицы, до боли напоминающие драконов с гобелена.

— Ну и глупо. Отдать даром или продать за миллион! — Джанет встала, — я не буду тебя уговаривать, Джоули. Все уже решено. И не мной. Все решено десять поколений назад. Не тебе это менять.

Она вышла, оставив меня в глубоком шоке. Наверное, поэтому я не услышала, как щелкнул дверной замок.

* * *

«Анна-Мария де Бейль, ты почему не в школе?»

«Ох, Туся! Тут полный трэш!!!»

«Джанет узнала про дискотеку?» — перепуганный смайлик.

«Хуже!»

«Про порошки?!» — три перепуганных смайлика.

«Еще хуже!»

«А, ну тогда нормально. Она просто решила срочно выдать тебя замуж за шейха...»

«И откуда ты такая умная?»

«Что, серьезно? А как его зовут? Он молодой? Красивый? У него есть дворец» — смайлик, потирающий руки.

«Марта, я серьезно!»

Серьезный смайлик. Через мгновение еще три серьезных смайлика.

«Сколько денег ты можешь достать? Наличными. Так, чтобы никто тебя не заподозрил?»

«Прямо сейчас? Тысяч шесть — семь».

«Не густо».

«Да, на побег в Россию не хватит, — смайлик, пожимающий плечами, — Принцесса, а

ты уверена, что не хочешь за шейха?»

«Марта, сними с карточки сколько сможешь и спрячь в нашем месте. Прямо сейчас».

«Считай, что уже сделано»

«Тогда все. Я дам о себе знать, как только смогу!»

«Ну, удачи тебе» — озадаченный смайлик.

Я отключила телефон и вышла из ванной. Нет, не нужно держать нас с Джанет за полных блондинок. Она, конечно, сразу распорядилась конфисковать у меня смартфон и ноутбук. Но еще по зиме я подумала, что потеряла свой наладонник. Влетело, конечно, но все же мама завела для меня новый. А этот потом обнаружился, завалившимся за тахту. Не знаю, почему я решила не только не говорить о нем никому, кроме Марты, но и время от времени кидать на него деньги. Никаких предчувствий! Просто, обозленная тотальной слежкой, я завела эту маленькую тайну ради самой тайны. Что ж... вот и пригодилось.

Следующий пункт плана представлял собой слабое место. Но как его обойти, я придумать не могла и, в конце концов, махнула рукой, положившись на удачу.

Переодеваясь ко сну, я всегда завешивала камеру носовым платком. Потом снимала его. Ну, ладно... если повезет, решат, что забыла снять, немудрено — с таким-то стрессом, а потом он сам свалился.

Набросив платок на камеру, я развила бурную деятельность. Скрутила покрывало, и пару мягких игрушек пристроила на кровати, накрыв одеялом. Я сплю. Крепко сплю!

Быстро переоделась: джинсы, кроссовки, ветровка. Старая бейсболка — прикрыть приметные волосы.

Бросилась в кладовку и, стараясь не шуметь, достала снарягу. Почему Джанет не выбросила и ее — не знаю. Наверное, просто забыла. Она никогда не принимала это мое увлечение всерьез. И очень хорошо! Зато теперь у меня был шанс.

Обвязка, карабины, петля, бухта веревки. Ледоруб не нужен... Хотя, соблазн велик прихватить и раздолбать любимое витражное окно Джанет. Но с ним я как-нибудь справлюсь. Сначала — свобода, месть потом. Открыть мансардное окно — пара пустяков. На нем нет сигнализации, потому что в эту узенькую форточку может пролезть разве что кошка. Или — очень стройная девушка при наличии серьезной мотивации.

Пробираюсь по черепичной крыше, стараясь ступать бесшумно. Высоты здесь, практически, нет — всего третий этаж, не о чем говорить! Да хоть бы и была. Агорафобией я никогда не страдала. Напротив, чем выше — тем легче мне становилось дышать. Поэтому я обожала скалы! Поэтому так злилась, когда Джанет отняла их у меня.

Добираюсь до края. Вяжу узел на ограждении и соскальзываю вниз. Спуск по стене раз в десять легче, чем штурм Южного клифа «с отрицательным уклоном».

Я на улице!

Конечно, было бы классно сейчас взять чей-нибудь скутер, закоротить проводки... Но этого я просто не умею. Как-то не думала, что пригодится. Поэтому поступаю проще: пятьдесят шагов шагом, пятьдесят — бегом. До города всего девять километров. И я обязана не просто пройти их, а сделать это быстро. Потому что альпинистская веревка, свешивающаяся с крыши нашего дома, это, как ни верти, моя визитная карточка.

Что ж... Никто не обещал, что будет легко.

* * *

Город встречает меня, слегка усталую, но в целом бодрую, огнями рекламы и шумом машин. Здесь вовсю кипит ночная жизнь. Это, конечно, плохо. Приключения в мои планы не входят. Поэтому тайными тропами пробираюсь до школы. Там, в ограде, есть пара кирпичей, которые легко вынимаются. Мы с Мартой с детства привыкли использовать их как тайник. Сейчас в нем не безобидная детская записка, а тонкая пачка денег, скрученная в трубочку и перевязанная резинкой. Спасибо, подруга, сочтемся.

Пересчитав наличку, распределяю ее по карманам. Есть пока не хочется. Покупаю в ближайшей круглосуточной аптеке бутылку воды и иду искать ночлег. Мне нужен мотель, в котором спокойно примут наличные. То есть, расположенный не в самом лучшем районе.

Черт! Прихватить бы с собой хотя бы баллончик! Чем думала?! Свою тупость и недалекость я списываю на тот же стресс. Все же не каждый день родная мать продает тебя за миллион.

Кстати! Почему такая неадекватная цена? Нет, у меня, конечно, все в порядке с самооценкой. Я знаю, что красива. Но между словами: «Выглядишь на миллион» и готовностью немедленно выписать чек на эту сумму, как правило, огромная дистанция. Я бы еще поняла, если б меня продали на органы, но вот так, ради единовременного удовольствия... Да и удовольствия, если верить подругам, сомнительного. Что может дать такому мужчине, как Харвест, совершенно неопытная девица? Редкое счастье залечивать расцарапанное лицо?

Словом, темная история.

3.

«Катарина-Альба, что ты натворила, признавайся!»

«?»

«Весь город на ушах! Тебя ищут. В школу сам Харвест Фара приходил... Красавчик! Жаль, у него есть постоянная подруга».

«Кто такой это Фара?»

«Ну, ты даешь, инфанта! Фара — глава клана Вепря, самого влиятельного в штате».

«То есть, он просто бандит?»

«Не просто, а самый богатый и влиятельный бандит в штате — хихикающий смайлик — признавайся, что ты с ним не поделила? Врезалась в его машину? Хотя ты же теперь не водишь!»

«Ничего особенного, всего лишь небо, землю и воздух. Спасибо за деньги, выходить на связь опасно, могут вычислить. Молодец, что предупредила на счет Харвеста».

«Всегда пожалуйста. Удачи!»

Я отключила телефон и, подумав немного, вынула симку. Где-то я слышала, что так безопаснее. Хотя специалист по выживанию в каменных джунглях из меня, конечно, еще тот!

Я сидела в придорожном мотеле, из тех, где не только не удивлялись наличным, но и удостоверение личности не спросили, преспокойно проглотив имя и фамилию, которые я выдумала сходу... черт, сейчас даже точно не помню, кем назвалась. Мэри или Кэти...

Надо было как-то решить вопрос с едой, а потом подумать, куда двигать дальше. Конечно, выходить небезопасно, но если вчера мне было не до ужина, то сегодня желудок требовал обеда... ну, или, для начала, хотя бы завтрака. Нужно решаться, иначе долго я не протяну. Должна же быть здесь какая-нибудь пиццерия или «МакДональдс»!

Я оглядела себя: видок в меру потрепанный, никак не заподозрить девушку, у которой водятся деньги. Вдохнула. Выдохнула. Отрепетировала перед зеркалом скучающее выражение лица. И решительно толкнула дверь комнаты.

Портье проводил странным взглядом. Или мне уже кажется? С чего бы этому невзрачному парнишке смотреть на меня странно? Если так пойдет и дальше, то я от своей тени начну шарахаться. Нужно с этим завязывать а, для начала, как следует поесть.

Искомое обнаружилось быстро: дешевая забегаловка с китайской лапшой в бумажных стаканчиках. Я взяла сразу два — и пожадничала! Оказалось, что это блюдо довольно сытное. Я с трудом приканчивала первую порцию, с тоской глядя на вторую — и с собой ведь не возьмешь, когда лапша остынет — она такая гадость! — когда увидела, как из-за соседнего столика на меня пристально смотрит пожилая женщина. Даже, можно сказать, старуха. По моим прежним меркам — отвратительное создание: в жару одетая в старый плащ, грязный и весь в пятнах, словно она в нем ночует на лавочке в сквере. Хотя почему «словно»? Должно быть, так и есть. Растрепанные седые волосы, сморщенное лицо и кривоватый рот, в котором, похоже, был явный недостаток зубов, даже гнилых, не говоря о целых. В образ не вписывались только глаза: ярко-рыжие, они сверкали, как два драгоценных топаза в грязи.

Бездомная медленно пила воду из стаканчика.

«Да она же есть хочет!» — осенило меня. Я решительно кивнула старушке, приглашая ее присоединиться и подвинула лишнюю порцию лапши.

Совсем неподходящая компания для Джоули Макферсон. Но именно такая мне сейчас и нужна.

Она не заставила себя ждать. Похоже, боялась. То ли того, что я передумаю делиться, то ли того, что официантка подсуетится. Ела бездомная жадно и торопливо, на счет зубов я угадала. Да и пахло от нее... Я старалась дышать ртом. Ничего, еще пара суток такой жизни и неизвестно, чем от меня запахнет! Эта пожилая леди, по крайней мере, выжила. И мне была крайне необходима парочка ее консультаций по этому вопросу.

— Что будет угодно молодой госпоже? — прошамкала она, прикончив лапшу и утерев рот ладонью, — парень гуляет? Хочешь узнать, не с местными ли красотками?

Интересная версия! Мне бы в голову не пришла. Выходит, меня занесло в квартал проституток? Час от часу не легче! Надо бы поскорее отсюда выбираться, не то местные жрицы любви заподозрят конкурентку, да навешают таких плюх, что пластический хирург понадобится. Что ж, свою порцию лапши старуха уже отработала.

— Хочу знать, как можно отсюда уехать. В любом направлении. Денег у меня мало, — добавила я.

Старуха покивала. Неожиданно снова обожгла меня своим невозможным, рыжим взглядом. Усмехнулась.

— Не ехать тебе надо, а лететь. Далеко лететь. Чтобы не догнали.

Я чуть не упала с табуретки. Откуда ей-то знать? Хотя, с такими глазищами... Вполне возможно, что и ведьма какая-нибудь.

— Лететь — это хорошо, — кивнула я, размышляя о том, что в самолет мне если только зайцем. Хотя, если удастся — то точно не найдут. Но до ближайшего аэропорта еще добраться надо. Хотя идея — покинуть границы штата, «где силы клана Вепря царствуют безраздельно» очень даже не плоха. Надо ее обдумать.

— Лететь, — убежденно повторила старуха, — иначе отнимут огонь. А без него тебе

нельзя. Мать твоя живет без огня, и бабка живет, и прабабка жила... А ты не сможешь. Кровь крылатых в тебе слишком сильна. Отнимут огонь — на третий день уснешь — и не разбудят. Береги свой огонь, Джоули!

Я вздрогнула. Затрапезная китайская закусочная поплыла перед глазами. А когда мир снова обрел цвет, звук и четкость, никакой бездомной старухи напротив меня уже не было. Ее вообще не было в зале. Исчезла.

Я уже, было, подумала, что сумасшедшая ведьма мне привиделась. Однако пустой стаканчик из-под лапши стоял рядом. Не сама же я в задумчивости смолотила две порции? В меня бы просто не влезло!

«Береги свой огонь, Джоули!» Что она хотела сказать? Что я должна беречь? Может быть, она имела в виду, что я не должна сдаваться? Или это слишком просто?

Загадки, загадки, загадки...

А на счет самолета — отличная мысль. Жаль — неосуществимая.

* * *

Наверное, я задумалась слишком глубоко. Потому что не обратила внимание ни на портье (который смотрел на этот раз немного виновато, но вызывающе), ни на то, что дверь номера оказалась открытой.

Я вынырнула из своих мыслей, когда мужские руки грубо схватили меня, швырнули на стену и бесцеремонно ощупали.

Их было двое. Молодые парни, чуть постарше меня, но... совсем другие. Странные штаны, майки до колен, бритые головы. Плечи в тату. У одного — кольцо в носу. Но самое главное — лица. Есть люди, про которых говорят: все на лбу написано. Так вот у этих тоже было написано. На неизвестном мне языке.

— Кто вы? — спросила я, — что делаете в моем номере?

— Вопрос стоит не так, киса, — протянул парень с кольцом, — кто ты? И что делаешь в нашем квартале? Ты из девок Риша?

Ну вот, влипла-таки в криминальные разборки! Но, может быть, удастся отделаться малой кровью? Ага, если только той самой, которую я не согласилась продать за миллион. Вот сейчас возьмут так, и можно будет возвращаться домой. Интересно, Джанет меня примет? Или «вопрос стоит не так». Эти гамадрилы меня отпустят?

— Чего молчим, киса?

— Да вот, думаю, — я прищурилась, — пожалуй вас, уродов, или черт с вами, таких все равно больше, чем нужно.

— Пасть заткнула, тварь, а то сейчас все зубы без дантиста выну, потом на тебя ни один «джок» не позарится, — влез второй.

Вот теперь — не испугаться. Я Джоули Макферсон! А это просто шпана немытая.

— Зубы — это неприятно, — покивала я, чудовищным усилием воли не опуская головы и продолжая нагло ухмыляться, — но их на край и вставить можно. А вот чтобы оторванные яйца назад пришили... о таком я не слышала.

— Я чего-то не понял, или ты, киса, слишком борзая? — спросил первый, с кольцом, — Если Риш тебе что-то обещал, так можешь об этом забыть. Это у себя в Южном он — Папа, а здесь он обезьянья задница.

— Сочувствую, — кивнула я, — А как он у себя в Южном называет вас?

Пальцы впились мне в плечи. Больно, черт!

— А вот это ты у него сама спросишь. Если к тому времени говорить сможешь.

Меня вывели через парадный вход, ни от кого не скрываясь. Мелькнула мысль броситься к портье и попросить позвонить в полицию. Но один взгляд, брошенный на парня, сказал, что тут ловить нечего. Этот ушлепок работал на местную банду, и сам меня сдал.

У ворот стоял огромный, как вагон, «Мерседес» — джип. Парень с кольцом сел на водительское сиденье, второй втолкнул меня в салон и забрался следом. В машине сидели еще двое, той же незамысловатой окраски. Я принялась и уловила слабый, но устойчивый запах «травки». Да-а, влипла! Хорошо так, качественно. Ладно, хоть деньги не при себе, успела в номере припрятать. Если удастся выскочить, я за ними вернусь. Но, по крайней мере, этим макакам не достанутся. Таким просто жить на свете — уже много.

— Девка Риша?

— Пока молчит.

— А че так? Ротик был занят?

Я смирила очередного придурка долгим, внимательным взглядом и отвернулась. Ничего интересного. Кроме того, что этой покатушки я вполне могу и не пережить. Но допустить сейчас такие мысли — значит сдаться.

— Так, киса, — водитель обернулся, — сейчас ты подробно рассказываешь, зачем Риш тебя сюда пристроил. А потом мы едем на базу, и ты звонишь ему. ОК?

— А если нет? — поинтересовалась я.

— А если нет, — он явно передразнивал мою манеру разговаривать, — то мы сейчас едем до ближайшего светофора, и там ты делаешь нам приятно. Всем по очереди. Потом до следующего. И так, пока бензин не кончится. Так куда едем, киса?

Я откинулась на сиденье, положила ногу на ногу и лениво протянула:

— На заправку, парни.

Вы когда-нибудь видели сразу четыре обалдевшие рожи?

* * *

Я сидела в удобном кожаном кресле и пила латте с пенкой и двойными сливками. Наглость — второе счастье, особенно если с первым напряг.

Эти придурки меня умиляют! Раньше, когда наш директор, мисс Макензи, говорила, что образование в штате находится на катастрофически низком уровне, я не верила. Впрочем, все к лучшему. Будь у каждого мелкого уличного «джуна» диплом Гарварда, черта бы они купились на мой дешевый блеф!

Сейчас они совещались, пытаясь придумать, что со мной сделать. Насколько я поняла, вариантов было два: грохнуть по-тихому и где-нибудь прикопать так, чтобы никто не узнал — это первый. У него был очевидный минус: придурков было четверо, и они верили друг другу так же, как братец Кролик братцу Лису. Другими словами — не верили вообще.

Второй — выяснить, откуда я взялась такая, и почему не трепещу перед ними, как положено. Здесь минусов было больше. Но и плюсы имелись. Если в итоге выяснится, что я просто не в меру наглая девица, за которой никого нет — грохнуть и прикопать меня можно будет, уже ни о чем не беспокоясь.

Совещались они, понятно, в туалете.

Допив кофе, который один из них купил мне в уличном автомате, я приложила стаканчик к стене и прислушалась.

Упс! Ошибочка. Вредно быть слишком самоуверенной, Джоули. Земля вращается вокруг солнца, а не вокруг тебя. Видимо, что со мной делать, они уже решили (а я и не в курсе, вот досада!), а сейчас обсуждали налет на «Пингвин». И, похоже, уже не в первый раз.

— Твою маму, Гри, перестань заливать мне уши этим дерьмом. Я уже согласился, что там куча зелени, — расслышала я. Кому принадлежал голос, не поняла, но не стала на этом заикливаться, сам по себе предмет был очень интересен, — Я уже посмотрел этот фильм, скачал саундтрек, купил футболку, бейсболку, спортивную сумку и большую кружку с лого: «Мы трясем «Пингвин» и становимся богатыми». Читай по губам: ЭТО НЕВОЗМОЖНО. Видеокамеры по всей территории, внутри дежурят качки с пушками, а у того, который пасет двери — тревожная кнопка, копы приезжают за полторы минуты. Все двери на сигналке.

— Зато внутри сидят полные винни-пухи! Я отвечаю! Когда своей лайбе страховку делал, так этот кадр в сорочке от «Валентино», типа менеджер, мое бабло просто кинул в ящик стола, на ключ запер и вышел. Я на замок глянул — фуфель полный, шпилькой на счет раз, два — уже делать нечего!

— Так у него там, небось, только твои пара баксов и валялись. Он их в стол кинул, чтобы при тебе, кретин, сейф не светить. А потом переложил.

— И что, думаешь, там сейф серьезный? Ха! Держу пари — там стандартный «Колибри» или «Воробей», я его найду за полминуты, а вскрыю еще быстрее!

— Ты туда сначала попади, идиот!

— Да запросто! — парень начал заводиться, видимо идея ограбить «Пингвин» пустила в его романтической душе глубокие корни, — заходим якобы клиенты, достаем пушки, парня мордой в стол, берем сейф и уходим. Пока он очухается и охрану вызовет, мы уже свалим.

— Ну да! А через час наши морды на всех местных каналах: штат должен знать своих героев! — хмыкнул первый голос, который я уже начала выделять. Между прочим, мыслил он вполне здраво. Хотя... в идее второго тоже было рациональное зерно.

...«Пингвин» я знала отлично. Современный торговый центр, 25 этажей, первые пять — торговые залы, остальные — офисы. Один из этажей, практически, полностью принадлежал Джанет, она инвестировала в строительство и сейчас сдавала площади в аренду. Фирмы там, в основном, небольшие, так что эксклюзивных сейфов с суперхитрой системой защиты и впрямь не ожидалось.

Совещание в туалете закончилось внезапно. Я едва успела отлипнуть от стены, поставить стаканчик и принять независимую позу.

Парни выглядели хмуро. Дела шли неважно? Или они всегда такие?

— Отдохнула? — спросил тип в реперской майке. Улыбка у него была — любой крокодил обзавидует!

— Да не слишком, но ты ведь все равно не отвяжешься, — я пожала плечами, — так что давай, задавай свои вопросы.

— Вопрос первый, — он плюхнулся на кожаный диванчик напротив и наклонился ко мне, — Ты из девок Риша? Или новенькая?

Я улыбнулась в ответ, и, вот без зеркала скажу — моя улыбка была куда приятнее.

— А ты думаешь, что девушки могут быть только проститутками?

Вопрос поставил его в тупик. Второй, в черной футболке и с дредами, решил помочь:

— Ну, они еще танцуют... Хочешь сказать, что ты танцовщица? А стриптиз покажешь прямо тут? Если понравится — отпустим и даже в хороший клуб пристроим.

— Тронута и ценю, — фыркнула я, — но — не заинтересована. Я не путана, мальчики.

Я — воровка.

— Да ну! — изумился «рэпер», — Прямо так ворует? А ну — докажи. Потырь у кого-нибудь из нас лопатник.

Я передернула плечами:

— Нужна мне ваша мелочь, как змее — велосипед. Я не карманник. У меня другая специализация. Я классный руфер. Ворую с верхних этажей.

Тип в майке, который, похоже, был в этой банде придурков за главного, еще крутил эту революционную идею в голове, когда встрял крайний, невысокий темненький пацан.

— Эй, Пастор, а она, похоже, не врет. Когда мы ее сумку обыскали, там было во чего! — он шагнул вперед и вывернул мою «дамскую сумочку» на пол.

— Прикольные трусики! — высказался четвертый.

— Можешь взять поносить, — равнодушно бросила я.

— Это что? — Пастор (теперь я знала его ник и удивлялась — ничего от священника в нем не было) ткнул носком своего «найка» в связку из шести карабинов.

— Приблуда, — ответила я, — для работы.

Парни переглянулись...

* * *

«Братъ» они решили для начала знакомую контору, где все окрестные реперы делали страховки своим насмерть затюнингованным джипам. Логика была железная: клиенты не любили декларировать свои доходы, так что расплачивались, в основном, наличными.

План родился за четверть часа, причем, на удивление приличный. Даже мне понравился.

Что в это время подельывала моя совесть? А совесть вместе со мной хотела на самолет, и подальше, подальше. А, чтобы не светить удостоверением личности, самолет нужно было фрахтовать. За доллары. За большую и толстую пачку долларов. Поэтому совесть помалкивала, задобренная моим обещанием возместить ограбленным все потери: как только — так сразу.

...Закрепить систему. Пристегнуться. Шагнуть за край.

Я знаю — многие как раз этого шага бояться до тошноты, до истерики, до звездочек в глазах. Но мне почему-то никогда не было страшно. Было здорово! Небо с огромными, яркими, словно фейрверки — звездами близко, рукой достанешь. Ветер, который на высоте есть всегда, в любую погоду, мягко покачивает тебя, словно мама на руках. Крученая веревка из полиамида выдерживает до 1000 кгс. Я вешу всего 46 килограммов! Спусковик швейцарской фирмы — надежнее не бывает вообще. Карабины тоже швейцарские. Я — патриотка своей страны, но лучшие приспособы для скалолазания и альпинизма делают не у нас, и те, кто хочет не только вдохнуть адреналина, но и остаться в живых, приобретают только швейцарские.

Крепеж я проверила. Чего бояться? Только не спуска.

Но мандраж был. До этой ночи я была законопослушной девочкой. Даже уроки в школе не прогуливала, и единственным моим преступлением перед штатом оставался проезд под запрещающий знак, да и то штраф давно оплачен.

Я спускалась не спеша, но и не медля. Того, что меня могут заметить снизу, я не опасалась, люди практически никогда не смотрят вверх. Но «Пингвин» был не самым

высоким зданием в районе. Из любого окна напротив, те же охранники на обходе, могли заметить фигурку, ящерицей прилипшую к стене. Что она тут делает? Окна моет? Ага, в три часа ночи! Очень правдоподобно.

Веревку я подобрала дымчато-серую, а цвет стены, так что в ночи, с расстояния 50 метров, да сквозь стекло ее и не заметишь, особенно если не вглядываться — но я-то была видна, как на ладони.

И быстрее нельзя.

Видела я фильмы, где герой берется руками за трос и скользит вниз. Долго смеялась. Даже если с уклоном, скорость такого спуска достигает 70 км/час. Допустим, сила воли у него такая, что даже если кожу и хорошую часть мяса на трос наматает, он веревку все равно не выпустит, он же американский герой! Но вот закончится спуск на крыше, или автостоянке — инерцию как будет гасить? Помножьте скорость на массу и прикиньте, что получится в результате? Да лепешка, тут и прикидывать нечего! Так что байкерские перчатки из чертовой кожи и спусковик. Неспешно и надежно.

Окна в основном были плотно закрыты жалюзи, но иногда я могла видеть в падающем свете ночных ламп обычные офисные помещения, стандартные и безликие. Кабинет. Пара столов. Компьютер. Стеллаж с образцами продукции. Пара картин на стенах. Где здесь может быть спрятан сейф? К счастью, не мне его искать, так что эту часть можно с чистой совестью выкинуть из головы. Мне и своего хватит.

На двадцать первом этаже я застопилась, обождала, пока прекратиться раскачивание и приступила к работе. Насквозь знакомой работе! Нет, торговых центров я раньше не грабила. Да я даже варенье из буфета ни разу не воровала! А вот окна вскрывать могу почти любые и с любой стороны, лишь бы они были в принципе вскрываемые, а не цельнорамные. Насобачилась за столько лет практики. Запирать меня Джанет начала лет семь назад, и почти сразу убедилась, что не прокатывает. Но — уперлась. Мы, Макферсон, все не по-хорошему упертые. Вот и выросло то, что выросло.

На то, чтобы открыть фрамугу у меня ушло меньше тридцати секунд, а просочиться внутрь — всего две.

Сигнализация... Нет сигналки. По крайней мере, к окну — нет. Еще бы она была — 21 этаж. Какой дурак сюда полезет ради пары тысяч зеленых? А вот такой! Которому срочно на самолет надо...

Спрыгнула вниз, огляделась. А вот и видеокамера. Дешевенькая. Пишет на комп фирмы, выхода в сеть нет. Скользнула вдоль стены, отвернула и сунула в карман. Спасибо, мамочка, за науку — «мертвые» зоны я за этот год научилась вычислять за секунду.

Сигналка на дверь... Эта есть! Ну и наплевать на нее. Локальное прерывание с пульта фиксируется, но тревоги не поднимет. Это для тех трудоголиков, которые обожают вкалывать сверхурочно и иногда даже засыпают на работе. Вопрос — где пульт? Ответ — на столе. А где ему еще быть? Чтобы под рукой...

Достала мобильник, послала сигнал и мгновенно сбросила. Все. Моя работа закончена, остальное ребята сделают сами. Или не сделают — так тоже может быть запросто. Но если они лажанутся, то «план В» предусмотрен только для меня. Еще не хватало — спасать всяких недоделков! Тут самой бы спастись и Джанет не подставить.

Хотя... вот чувствует мое сердце, на счет кого другого — возможны варианты, а мама вывернется, даже если ее со всех шести сторон зажмут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Гулкие, торопливые шаги по коридору я слышала через полторы минуты. До этого парни прятались в мужском туалете, на верху кабинок. Места там достаточно, во время обхода их не заметили. Говорю же — люди никогда не смотрят вверх...

— Порядок? — спросил Пастор.

— Твоими молитвами, — хмыкнула я и демонстративно уселась в крутящееся кресло. Впрочем, никто, кажется, не возражал. Парни рассредоточились по кабинету с портативными металлодетекторами, и, действительно, сейф рассекретили практически сразу. На то, чтобы отодвинуть панель и вскрыть стальную коробку, предназначенную для оружия, им понадобилось три стука сердца.

— Есть! — тихо взвыл Чак, тот самый, который так рвался в «Пингвин», — куча зелени, парни! На вскидку, тысяч пятнадцать!

...Тоже мне, куча! Хотя, не видя корабля и корыто в диво.

— Уходим, — скомандовал Пастор.

Деньги сгребли в сумку, панель задвинули на место и один за другим, серыми тенями выскользнули в коридор.

Я машинально бросила взгляд на часы. Меньше полминуты. Как раз столько, чтобы не спеша выйти, запереть дверь и щелкнуть пультом. Ну, я и щелкнула, восстанавливая сигнал. А сама пристегнулась и шагнула в окно.

Ветер обнял меня, как старую подружку. Да мы и были давними друзьями. Вверх? И как можно быстрее! Час между собакой и волком неспешно растекался по городу, пах выработанным бензином и сухой пылью. Где-то внизу плескалось неоновое море рекламы, двигались по своим орбитам авто и люди, кипела жизнь, которая в этом городе не прекращалась ни на минуту.

А мне предстояло ждать до утра. До открытия. А потом спокойно выйти через левый вход, прикупив для отвода глаз какую-нибудь ерунду в коробке. Парни пойдут через правый, с деньгами. Они рискуют сильнее, но это их проблемы. Я — Макферсон, а не Д'арк.

* * *

Черная кошка между мной и парнями пробежала на третий день. Этого следовало ожидать. Ребята начали пользоваться головой, чего не делали лет двадцать. Хвала Создателю, что способность проснулась, но как же не вовремя!

Мы сидели на базе, пили: парни пиво, я — капучино, болтали ни о чем и мне было, в общем, спокойно — как ни удивительно. И вдруг я поймала пристальный, изучающий взгляд Пастора. Наши взгляды встретились и какое-то время мерялись силой. Потом он слегка прикрыл веки, не признавая поражение, а приглашая к разговору. Парень слегка шевельнул головой в сторону бара. Я кивнула.

Кофемашина была здоровая, блестящая и почти не использовалась по назначению, пока в «берлогу пропащих» не занесло меня. Я поколдовала с кнопками и принялась ждать.

Пастор возник за спиной бесшумно. Он всегда двигался бесшумно, как большой кот. А еще он брил голову, оставляя только две косички на висках, танцевал на улицах, веровал в Господа и иногда включал голову.

— И все-таки, почему ты появилась тут одна? — негромко спросил он, словно продолжая начатый разговор. В некотором роде так оно и было, — где твой покровитель?

— Он обязательно должен быть? — спросила и я вместо ответа.

— Девушке трудно одной, — сказал Пастор.

Довод был так себе, но попробуй его оспорь. Я уже, кажется, говорила, что труднее

всего сопротивляться здравому смыслу.

— Я решила, что без него у меня больше шансов, чем с ним. — Вот так. Почти правда. Звучит, конечно, пакустно, но красивой может быть лишь химически-чистая ложь. Альянс правды и красоты невозможен на уровне генов.

Пастор покачал головой. Он мне не поверил. Насколько это опасно? Черт, да все здесь опасно, каждый шаг, каждое слово и даже молчание. Расслабилась, поверила в свою счастливую звезду. На самолет — и как можно скорее. Но для этого нужны были деньги — и гораздо больше, чем мне отстегнули после ограбления «Пингвина» и второго такого же мелкого налета на «Арабскую башню». Мы совершили его тем же утром, здраво рассудив, что все силы полиции будут стянуты к «Пингвину», а нам было по дороге и вообще, весело.

«Башня» была построена на скале, лицом к городу, другим местом — к морю. Мы вошли как белые люди, поднялись на последний этаж, парни положили двоих охранников носами в пол и связали их же форменными ремнями, разбили все телефоны, залили замок в дверях какой-то быстро твердеющей дрянью. А потом, не заморачиваясь с сейфами, сгребли кассу и ту ювелирку с витрины, которая была похожа на подлинную.

Я, тем временем, вскрыла панорамное окно и спустила «систему». Веревки хватило впритык. Мы спустились по очереди, к чести парней, никто не струсил, хотя высота была приличной. Внизу ждал Гри с катером, так что обратно мы вернулись с комфортом и добычей в виде 57 тысяч зеленых.

Ребята были довольны, но когда я потребовала свою долю, мне доходчиво объяснили, что это было «тестовое задание» и в утешении дали 500 баксов. Это было... нет, не обидно. Просто совсем не к стати. Напрашивался неутешительный вывод — они совсем идиоты?

Разговор с Пастором все расставил по местам. Нет, не идиоты. Просто не видели никаких оснований мне доверять. Чтобы стать «своей», получить признание, права и долю, мне следовало выбрать «покровителя», разумеется, одного из их дружной семьи.

В их глазах, ничего странного в этом не было. Девочки в 11 лет выходили на улицу, в 12–13 делали первый аборт, тогда же садились на иглу... До моих «золотых» 16 доживали немногие. Ну, вот как ему объяснить?..

Я равнодушно улыбнулась Пастору и прошла в комнату к ребятам. Ничего никому объяснять не буду, я не святая Бригитта Шведская. Если до этой братии и можно достучаться, то только добрым словом и пистолетом. Причем сначала выстрел в пол, в сантиметре от ступней, потом: «Всем лежать!», а уж потом проповедь любви. Любой другой порядок не прокатит.

— Вы подумали? — спросила я, нагло усаживаясь прямо на стол. Гри попытался обнять меня за талию, но я отодвинулась.

— Подумали, — кивнул Чак, — ты всерьез считаешь, что мы можем ограбить банк?

— Не банк, — поправила я, — ссудную кассу.

— А в чем разница?

— В системе безопасности. У банка она гораздо серьезнее. А деньги там скапливаются нехилые.

— Сколько? — Гри облизнул губы. Он был уже мой, с потрохами.

— Три-пять миллионов... минимум. Обычно больше, — спокойно сказала я и по тому, как вспыхнули глаза троих из четверки, поняла, что все у меня получится. Не может не получиться.

— Водилы у нас есть, верхолаз, — Гри мотнул в мою сторону криво состриженной

челкой, — имеется, резак Чак обеспечит. Толщина стали там — как раз на две минуты работы...

— Один круг, — добавил Чак.

— Зато потом, — еще один пацан, его имя я все время забывала, он любил затереться в угол и сидеть там молча, — мы сможет заняться легальным бизнесом. Стать уважаемыми людьми.

— Купить автомойку, — двинул бровью Пастор, — и каждую субботу «отстегивать» неуважаемым...

— Не обязательно. Мы можем зарабатывать на бинарных опционах.

Ого! Я, признаться, опешила. Вот так мечта у юного гангстера. Может, когда вся эта свистопляска закончится, познакомить его с Джанет? Они бы нашли общий язык. К счастью, кроме меня никто ничего не понял, решили, что Дик (вот сейчас я вспомнила имя) просто непонятно ругается.

Гри двинул плечом и вышел. Захотел покурить на воздухе? Или просто все для себя решил, а слушать парламентские дебаты ему было не прикольно? Я хотела тоже выйти, купить воды и хрустящего картофеля, но меня придержал Чак, спросив об аэроклубе в Дондже, я начала обстоятельно отвечать и вода с чипсами уплыла в туман.

* * *

— Принцесса, подъем!

— Лапы убрал!

Я открыла глаза мгновенно, еще до того, как Пастор успел прикоснуться к моему плечу.

— Тебя где учили грабли тянуть куда зря?!

— А я знал, что ты спишь голая?

— Теперь знаешь? — ласково спросила я.

— Ну, — Пастор настороженно смотрел на меня, не зная, как реагировать на такую нежность валом.

— Тогда развернулся на 180 и утопал в туман, — так же ласково пропела я.

— Нам выходить через 15 минут, — буркнул парень.

— Кофе мне сделай. Экспрессо, двойной с сахаром.

— Может тебе еще колесико от трамвая? — осклабился он, неизменные косички на головы прикольно встопорщились, я даже засмотрелась, честное слово.

— Пастор, дело, конечно, твое, — я напоказ зевнула, широко и сладко, — без кофе не помру. А вот заснуть могу в самый ответственный момент. Например, когда тебе леер пристегивать буду.

— Понял. Не дурак, — кивнул Пастор и исчез.

Я глянула на часы. Ну, 15 минут — это он, конечно, слегка преувеличил. По моим расчетам у нас было еще полчаса чистыми, но больше — не меньше. Я не из тех, кому нужно обязательно «еще пять минуточек...». Вставать — так вставать. Грабить — так грабить.

Ночь была прохладной. Свежий ветерок колыхнул ромашковую бороду возле кромки летного поля и, забравшись под ветровку, провел холодной, мягкой рукой по плечам, наградив мурашками.

— Ссыкуешь, Принцесса? — прищурился Гри.

— Мерзну.

— Да ладно! Жара, трехсотка полная (*по Кельвину, прим. автора*), — Гри щеголял в широченных парусиновых шортах — вместо парашюта использовать можно, честно, белоснежной майке и пляжных тапочках на босу ногу. Икры, торчавшие из бермуд, были здоровенными и волосатыми. А плечи в маечке я даже не разглядывала — зрелище не для слабонервных. И, кстати, парень в самом деле не мерз — «гусиной кожи» не было.

— Что, Принцесса, нравлюсь?

— Ну, вот что тебе сказать, амиго? Правду? Или то, с чем ты сможешь жить?

Глаза парня под косо состриженной челкой сузились мгновенно и нехорошо. Самолюбие у него — явно больное место, и сейчас я по нему нехило так потопталась. Не ко времени бы. Но тут одно из двух: либо он деловой парень и сейчас натянет на свою хотелку терпелку и отработает в команде, либо...

Хотя, мне-то какое дело? Я ведь уже все решила, еще вечером. Хорошие парни, но мне с ними не по пути. Потому что мой путь, простой и ясный, лежал на самолет и в Центральные штаты. А их — такой же четкий и прямой, как стрела, концом своим упирался в Гуантамо (*тюрьма в США, прим. автора*). И чем скорее эти дорожки разойдутся, тем лучше.

— Идем, — бросила я, — время.

И, не обращая больше на парня никакого внимания, направилась к последнему ангару.

Приоткрытая дверь ждала. А рядом ждал худой паренек в такой же, как у меня, плотной ветровке, застегнутой под горло. Он переминался с ноги на ногу, только что не подпрыгивал. Самый низкорослый, щуплый и незаметный в компании. И именно у него оказалась лицензия пилота... А впрочем, после его слов о бинарных опционах, я уже не удивлялась. Надо, все же, действительно, поговорить о нем с Джанет. Умный парень, будет жаль, если его примитивно забьют ногами где-нибудь в биллиардной.

Но все это — потом. Сейчас мне нужно решать свои проблемы.

Я тепло улыбнулась Дику и кивнула Пастору и Чаку. Нюанс парни отметили, переглянулись не без удивления. Но во взгляде Пастора было еще и понимание. И — глубоко скрытое одобрение. Психолог, черт! Хотя, без такого навыка лидером уличной банды не станешь, и, тем более, в них не удержишься, так что все ожидаемо.

Чак улыбался широко и открыто. Его слегка потряхивало от адреналина, но он неплохо владел собой. А горящие глаза... Ну, что ж, бывает. Парень — созревший маньяк, и это уже не исправишь. Отыгранная карта, как не жаль. Его я бы ни за что не позвала с собой, куда бы не направлялась, и как бы сильно он мне не нравился. И никогда бы не повернулась к нему спиной. Чак — раб своей страсти, а раб, значит — слаб.

Гри вошел последним. Я на него не смотрела, но спиной чувствовала — он еще дуется. И это было чертовски некстати. План предусматривал, что контролировать Гри я не смогу. И никто не сможет. А зависело от него многое. Может, улыбнуться ему? Дать понять, что пошутила?

Я покрутила эту мысль в голове и отбросила. Если Гри и создаст проблемы, то Пастору и остальным парням, а не мне. И я с чистой совестью выбросила парня из головы и из сердца. Это была громадная, почти фатальная ошибка, но в тот момент я об этом не подумала. Да... Задний ум — девайс глобальный. Только бесполезный.

— Гри, ты у нас звезда стритрейсинга, тебе и карты в руки — Пастор, слегка рисуясь, откинул брезентовый чехол с машины. В ангаре было темно, но глаза Гри вспыхнули так, что любой другой источник света мог отойти покурить. Парень опустил на колени, не обращая

внимания на грязный и промасленный пол ангара и то, что штаны у него светлые, и обвел пальцами номер «40» на носу синего гоночного болида. Пальцы подрагивали.

— Это же... На ней Марио Андретти взял Индии-500 в...

— Да, это именно она, и она твоя, — непочтительно перебил Пастор, — по крайней мере, на эту ночь. У малышки шикарный потенциал, не смотря на солидный возраст. Постарайся его не профукать.

— Но тогда уходить придется только по одной трассе, — заметил Гри. Он уже сидел на месте пилота и деловито осматривал приборную панель, — по любому другому покрытию она не пойдет. И... О, святой Энцо! Я же не смогу ее разбить! Пастор — как хочешь, но ЭТОГО я делать не буду. Это... Черт, да это хуже чем намалевать граффити по фрескам Сикстинской капеллы!

Пастор скривился. Дреды неодобрительно встопорщились.

— Тебе придется выбрать: она или ты.

— Я уже выбрал, — отозвался Гри, не глядя на лидера, — Она!

— Сядешь, — равнодушно бросил Пастор.

— Сяду, значит сяду, — согласился Гри, — беды-то...

Чак хотел что-то сказать, но Пастор вскинул руку:

— Ты выбрал, — он спокойно, с настоящим, не показным равнодушием пожал плечами, — нас только не подставь.

— Не волнуйся, брат. ВАС я не подставляю.

Пастор посмотрел на часы.

— Половина четвертого. Через двадцать минут нам нужно быть на точке.

— Надо — будем, — немногословный Дик уже проверил вертолет и спокойно ждал, пока Гри намолится на свое божество, Чак перестанет скалиться как шимпанзе, Пастор раздаст ценные указания, а я назеваюсь всласть. Вот на кого можно было спокойно положиться при любом раскладе, даже самом дрянном. При дрянном — особенно.

* * *

В небольшом четырехместном вертолете я, никого не спрашивая, сама заняла место рядом с Диком. Пастор ничего не сказал, а Чак был «на своей волне».

Подошел пацан, из рук Пастора в его перекочевала пачка долларов: тоненькая, но, как я успела заметить, номинал был приличный. Они молча впечатали ладонь в ладонь то ли закрепляя сделку, то ли желая удачи, Дик тронул небольшой рычажок, вертолет вздрогнул, просыпаясь. Пацан пригнулся и побежал в сторону от поля, а у меня над головой ожил и начал набирать обороты несущий винт.

Я уже говорила, что обожаю небо? Тем более, когда оно так близко! Я заморожено смотрела на игрушечные ленты небоскребов, плоские крыши гипермаркетов, пустое, ярко освещенные шоссе, по которому летел одинокий гоночный болид... Потом он свернул, а мы оказались над заливом, и я с огромной высоты заглянула в черное стекло овальной бухты Кранка, шикарные яхты у причала... Говорить было не о чем, и не за чем: все оговорено заранее, роли распределены, и каждый знает свою назубок.

Что ж, как говорила Джанет: «Просчитанный риск от случайного отличается только тем, что когда ты садишься в лужу, ты ТОЧНО знаешь, где и почему облажался».

Дик снова заложил вираж, меня качнуло и ударило о крепкое плечо парня, он, не поворачиваясь ко мне, улыбнулся. Под нами снова замелькали огни не спящего города, но

никому не было до нас дела.

Люди никогда... никогда не смотрят вверх. Я вспомнила свой гобелен и подумала, что знаю, почему. Потому что в этом мире нет и не было драконов. А жаль.

Дик завис над крышей небоскреба, принадлежавшего по документам некоему Иржи Клаппу, а на самом деле — Харвесту. Моему несостоявшемуся... Как же его назвать? Ведь не любовником же? Там предполагаются хоть какие-то чувства. Черт, ничего кроме медицинского термина в голову не лезло.

Я распахнула дверцу: высота была метра три, крыша качалась. Пастор сбросил сумку, показал Чаку вскинутый кулак, тот что-то крикнул в ответ, но гул винта гасил все звуки. С перекошенной от счастья рожей адреналиновый маньяк нырнул в ночь. Я последовала за ним — счет шел на секунды, и рефлексировать было некогда.

Пенополиуретановое покрытие ударило по ногам, я погасила инерцию кувырком и, встав на ноги, огляделась. Капля быстро уходила в темноту. Не заметили?

— Джоули, ты в порядке? — спросил Чак. Он слегка прихрамывал, но, в целом, выглядел бодро. Кажется, врач ему не нужен... Если только психиатр. Но после сегодняшнего дела он себе целую клинику купит, запросто.

Сумка нашлась быстро, снаряга была в полном порядке — да и что ей сделается от падения с трех метров? Я как следует, пнула ограждающий бортик — пару раз, для верности; зацепила «люльку», проверила крепеж, натянула тонкие перчатки — Чак повторил мое движение с той разницей, что сначала одел правую, — и шагнула вниз, с высоты в 412 метров, словно с крыльца.

Дальше все было относительно просто. На такой высоте полицейские меня не увидят, выше меня только небо да звезды, так что единственной проблемой был ветер — он раскачивал люльку, как будто пытался не укачать, а вытряхнуть. Но и ее вполне решила пара мощных присосок.

На такой высоте окна ставят цельнорамные, с кондиционерами и оконмоями. Они в принципе не открываются. Но ЭТО окно открывалось — единственное, на весь фасад. Президент компании любил свежий воздух.

Я вскрыла его за 7,5 секунд, побив свой собственный рекорд.

Мой свист унес ветер, но Чак меня услышал.

— Джоули? Что-то пошло не так?

— Что у меня может пойти не так? — удивился я, — Моя задача выполнена, твоя очередь.

— Ты его уже..? — поразился парень.

— Да! И мы треплемся об этом дольше, чем я его открывала.

— Извини! — Не знаю, что он там делал, крестился, молился или просто вколол себе еще одну дозу, для куража: леер я ему пристегнула сама, а для того, чтобы просто шагнуть вниз — восьми секунд явно много... Но когда он закачался рядом со мной, пару раз чувствительно приложив меня о толстенное бронированное стекло, я почти обрадовалась.

— Давай. Оно тяжелое, тебе сподручнее.

— Сигналки точно нет, ты посмотрела?

— Да кому она здесь нужна, — презрительно фыркнула я, но, заметив его сузившиеся глаза, быстро добавила, — посмотрела, посмотрела. Только на двери.

— Двери уговорим, — ухмыльнулся Чак и мы в обнимку ввалились в офис крупной страховой компании: «Клапп и Клапп».

Баллончик с краской Чак держал наготове и немедленно одел им видеокамеру наблюдения, после чего выдохнул, потер лицо и очень внимательно осмотрелся.

— Двери в хранилище здесь быть не может, — негромко сказала я, — единственное окно, которое можно открыть — и сейф несовместимы. На таких условиях они бы даже сами себя страховать отказались.

— Знаю, — бросил Чак, — я ищу другое.

Мягкой походкой поджарого уличного кота он подошел к огромному столу, отодвинул тяжеленное кресло — совершенно без звука и, присев на корточки, ощупал внутреннюю сторону крышки.

Стол был, конечно, монументален, но вряд ли мистер Клапп устроил здесь тайник с золотом, когда к его услугам бронированная комната. Я не понимала Чака, но вмешиваться не рискнула — он не импровизировал, а точно знал, что делает и зачем. Такие вещи просто видишь.

Осмотрев последовательно монитор, клавиатуру, мышь, пресс-папье, перебрав пару файлов на столе, Чак сосредоточенно прищурился. И расплылся в торжествующей, слегка безумной улыбке.

— Иди сюда Джоули, — позвал он, — хочешь узнать, как велика и необъятна человеческая глупость?

Я, недоумевая, подошла.

— Смотри, беби.

Я добросовестно посмотрела туда, куда он показывал, и ничего не увидела:

— Смотри внимательнее. Что это, по-твоему?

— Стикер с телефонами. Алан, менеджер, бухгалтерия, какая-то Софи...

— Софи — это сейф. Шифр от сейфа. Он регулярно меняется. По крайней мере, по требованиям безопасности, должен меняться.

— С чего ты взял, что Софи — это сейф? — удивилась я.

— Смотри, как написаны телефоны. Очень небрежно и быстро: и верхние и те, что ниже. Только этот аккуратно, видно, что его писали первым, а остальные потом просто добавили, для маскировки.

— Может быть, эта Софи — просто его любовница.

— Его жена не работает. И здесь не появляется, — Чак улыбнулся, — зачем бы ему маскировать телефон любовницы таким хитрым способом?

— Логично, — кивнула я, — но это как-то... вообще вне рейтинга.

— Люди часто делают глупости, беби. И особенно часто они их делают, когда начинают считать себя самыми умными.

Чак оторвал стикер и сунул в карман, достал перочинный нож. Мы подошли к двери, которая ТОЧНО была на сигнализации: голубые проводки отходили от нее к белой пластиковой коробке, не шифруясь. Чак сплюнул жвачку, резанул проводки и тут же залепил их концы резинкой.

— Прошу вас, Принцесса.

— Благодарю вас, рыцарь, — в тон ему кивнула я и, опустив на лицо маску, шагнула в коридор.

...И был коридор, и были камеры, и шел счет на секунды. И в эти секунды я всерьез зауважала напарника, потому что он оказался не тупым адреналиновым маньяком, а хладнокровной и расчетливой сволочью. Он видел все и помнил обо всем: заклинить дверь

на этаж, скинуть сигналку, чтобы не взвывла раньше времени, двигаться, по возможности, в мертвой зоне видеокамер. На сейф, который оказался здоровенной дурой, с грузовой лифт размером, он потратил меньше времени, чем я на окно.

— Сумку!

Я подала, фигея от общей крутизны происходящего.

Мы набили битком четыре сумки. Даже думать не хочу, сколько тут денег!

Чак закончил с последней, застегнул молнию, по-хозяйски огляделся. И, баллончиком с краской, прямо на стене сейфа размашисто написал: «Sans armes, ni haine, ni violence». «Без оружия, без ненависти, без насилия» — машинально перевела я и усмехнулась. Теперь я, кажется, знала, кто был кумиром Чака в детстве. *(надпись, которую сделал знаменитый гангстер Спэджари во время исторического ограбления хранилища банка «Сосьете-Женераль» в Ницце, которое его банда совершила без единого выстрела).*

Обратный путь был намного тяжелее. Вы представляете, сколько может весить сумка, целиком забитая пачками долларов. Лучше даже не представляйте! А если их две? Теперь я понимала, почему все эти brutальные грабители в голливудских фильмах такие накачанные ребята. Потаскай-ка тяжести по коридорам! А адреналин, как назло, схлынул, и вместо него пришло усталое равнодушие.

Мы выбрались на крышу со своими торбами, как две домохозяйки из прачечной.

И в этот момент что-то случилось. Истерично взвывла полицейская сирена, за ней еще одна — а потом истерика стала коллективной.

— Гри зажигает, — пробормотал Чак, ежась на холодном ветру, — Джоули, ты извини.

— За что? — я вскинула голову, пытаясь разглядеть в полутьме выражение его лица. Не преуспела. Осталось довольствоваться голосом.

— За то, что я тебе не поверил. Ты, реально, профи. В общем... Если после сегодняшнего дела все будет ОК, получишь долю. Пастора я беру на себя.

— Спасибо, Чак, — искренне сказала я. А про себя подумала: «Поздно. Все нужно делать вовремя, в том числе и предавать. Ты упустил свой шанс. А я — пока нет».

А потом прилетел вертолет, сбросил нам леера, и мы рванули против ветра, удаляясь от города, который в эту ночь словно сошел с ума, гоняясь за сумасшедшим гонщиком на старом, списанном болиде.

Дик выжимал из машины все, что можно, стараясь обогнать рассвет. Пастор и Чак ошалело пялились на толстые пачки денег, а меня накрыл запоздалый отходняк. Трясло, словно кто-то подменил это клятое кресло на электрический стул.

Трава была малахитовой, того самого темного оттенка, который кажется почти черным, а небо полыхало, расколотое надвое сумасшедше-ярким рассветом. И темная половина его сжималась, огрызаясь протуберанцами ночи, уползающей в логово. А огненная уверенно занимала свое место.

Вертолет приземлился на караю небольшой поляны, в двадцати милях от города. У края стояли три мотоцикла. Здоровенные «BMW» с огромными багажниками.

Три...

А чего я, собственно, ждала?

После такого налета им нужно уходить в отрыв и ложиться на дно, по крайней мере, на год. И случайная девчонка им совершенно ни к чему. Слабое звено и лишняя обуза. Гораздо проще оставить меня здесь, бросить полиции, как кость, рядом с вертушкой. Только... Живая я опасна. Очень опасна. Я могу помочь составить их фотороботы и дам свидетельские

показания. Так что оставлять меня в живых нельзя.

Сумки погрузили в багажники мотоциклов.

Если сейчас кто-то из парней предложит мне садиться сзади...

Не предложили. Вместо этого Пастор вытащил ствол.

— Ничего личного, — парень пожал квадратными плечами в огромной кожаной куртке, дреды дернулись в такт, — Сама все понимаешь, Принцесса.

Я перевела взгляд на Чака. Тот смотрел на Пастора удивленно, неужели для него это было сюрпризом? Он даже открыл, было, рот... Подумал — и опять закрыл. А Дик, вообще промолчал, словно меня нет и никогда не было в их жизни.

Ну и... не больно то и хотелось.

Придурок с огромным крестом в полгруди вскинул пистолет, прицелился

Я смотрела на него в упор. Внимательно. Спокойно. Выжидаяще.

Он плавно потянул спусковой крючок...

Я улыбнулась.

Раздался сухой щелчок.

Пастор изумленно поднес ствол к глазам.

Я выдернула из-за ремня джинсов *беретту* «21 Bobcat» (длина 125 мм, масса 325 г.), не торопясь, сняла с предохранителя и положила две пули прямо под ноги Пастора.

— Отошли на пять шагов. Живо! — скомандовала я. Широко улыбнулась и добавила, — Ничего личного, мальчики, всего лишь бизнес.

— Так вот почему ты зевала, — дошло до Пастора, — ночью ты разрядила стволы.

— Ничего личного, — повторила я, медленно отступая к мотоциклам.

— Черт! Так значит, я был в хранилище безоружным? — дошло до Чака, — А если бы все прошло не так тихо?

— Нас бы повязали, — я пожала плечами, — Но ведь мы все продумали и подготовили. В хранилище риск был меньше, чем здесь. По крайней мере, для меня.

«...За налет вам дали бы восемь лет. Через четыре — выпустили. А за убийство полицейского огребли бы пожизненное без права на апелляцию. Я спасла ваши задницы, мальчики. Но благодарности, так уж и быть, не нужно. Ведь в первую очередь я спасала свою».

Разумеется, все это я высказала мысленно. Когда ты один против трех, пусть даже вооруженный против безоружных, момент для дискуссий неподходящий. Пятясь задом, я шагнула к крайнему мотоциклу, повернула ключ зажигания, уже торчавший в гнезде. Он сыто заурчал. Ногой выбила подножку, развернулась и аккуратно расстреляла остаток обоймы по колесам. Вот так, мальчики.

Слава Создателю, у них хватило ума не гнаться за мной на вертолете. Хотя дело, скорее всего, не в благоразумии банды, а в том, что «капля», проболтавшаяся в небе почти два часа, требовала дозаправки.

Так или иначе, погони за мной не было.

Отмахав миль пятнадцать, я притормозила у обочины дороги, съехала на достаточно не приметную тропу и покатила вниз, притормаживая подошвой. ...Прозрачное море дышало у ног как большой и добрый зверь. Уже, практически, рассвело.

Я набрала номер полиции.

— Добрый день, — сказала я, — Надеюсь, вы записываете. Сегодня в четыре утра было

совершенно ограбление ссудной кассы «Клапп и Клапп». На данный момент и грабители и награбленное находятся...»

Не позволив себя перебить, я договорила до конца, дав детальное описание членов банды, сбросила вызов и, размахнувшись посильнее, отправила телефон в последний полет над водной гладью.

Можно было ограничиться сим-картой, но так вернее.

Потом открыла багажник, дернула молнию сумки. Одной сумки... Этого хватит, чтобы зафрахтовать самолет, а заодно купить молчание пилота? По идее, должно. Жаль, что от мотоцикла придется избавиться. И лучше это сделать прямо сейчас, потому что как только полиция возьмет парней, первое, что они сделают, это сдадут мой номер. Его проверят по видеокамерам вдоль дороги и через полчаса, максимум, через час мы окажемся в соседних камерах.

Начинало не на шутку припекать. Я сняла и бросила ветровку, оставшись в ярко-красном топе. Прыгая на одной ноге, освободилась от штанов. Под ними прятались ультракороткие шортики. Скрутить волосы жгутом — под бейсболку и, последний штрих, огромные зеркальные очки от солнца в пол лица. Вот только сумка... Что с ней делать — я так и не придумала и решила просто рискнуть. Все равно другого выхода не было.

Через пять минут я выбралась на дорогу, встала на обочине и вытянула руку с поднятым вверх большим пальцем. Да здравствует культура хиппи!

* * *

Дом Кельвина

... Хорошо-то как, создатель всемогущий!

Я положила тяжелую голову на бортик огромной джакузи и расслабилась. Вода горячая. Пузырьки приятно щекочут тело снизу и сбоку. Пахнет деревом и почему-то зеленым чаем. А высоко над головой панорамное окно, немного приоткрытое. И в нем торчит край пушистого кучевого облака. Счастье!

Я бы, наверное, задремала. Но тут дверь открылась. Нет, она не скрипела, тут ничего не скрипело. Просто легкий сквозняк махнул по плечам. И мужской голос сказал:

— Привет.

Я даже не дернулась. Сил не было.

— Привет, — отозвалась совершенно спокойно, — Тебя не учили, что заходить к девушке, когда она принимает ванну, не очень прилично?

— Я не смотрю, — серьезно заявил тип, огульно обвиненный в невежливости и в невежестве, — глаза закрыты, можешь посмотреть.

— Лениво, — объявила я, — А как ты ходишь тут, если у тебя глаза закрыты?

— Вообще-то это мой дом и моя ванная. Я тут все с закрытыми глазами знаю.

— Угу, — согласилась я, — тогда вопрос второй — что тебе здесь прямо сейчас понадобилось?

— Принес сок. Свежевыжатый. Вот, ставлю на бортик.

Перед моими глазами появились босые ступни и подвернутые джинсы. Звякнул стакан.

Я скосила глаза и успела заметить руку хозяина дома. Точнее — кисть: легкую, сухую. С длинными пальцами, кажется, их принято называть музыкальными. Рука была загорелой, а звякнул не пластиковый бортик, а связка фенечек.

— Спасибо, — с опозданием сообразила я.

— Обращайся. Полотенце на вешалке, футболка рядом. Дамских халатиков, извини, не держу.

— Вот беда-то, — лениво протянула я, — как же ты выжил-то без дамского халатика?

— Это провокация?

— Это вялая попытка измученного мозга пошутить. Неудачная, — пояснила я, — благодарю за заботу и все такое, но не мог бы ты...

— Мог. И уже сделал.

И он, действительно, исчез. А сок остался. Вкусный, прохладный апельсиновый сок в высоком стакане с соломинкой. То, что нужно для счастья усталой грабительнице банков, которой только что удалось удачно уйти от полиции и от подельников.

Я хихикнула и с головой погрузилась в джакузи.

Когда на шоссе передо мной затормозил шикарный кабриолет «Mercedes-Maybach» S 650, белоснежный, как крыло ангела и такой же бесшумный, я слегка удивилась. Но потом вспомнила, в каком виде тут стою — только таблички не хватает: «Скидка 25 %», пожалала плечами и шагнула к машине.

За рулем сидел мужчина. Один.

— Тебе куда? — спросил он.

— Вообще-то на Аляску. Но по пути я планирую сделать несколько остановок.

Он кивнул, словно я и в самом деле ляпнула что-то понятное, открыл дверцу, подхватил мою сумку — вот тут сердце екнуло — но он всего лишь забросил ее назад, а мне кивнул на место рядом с собой. Я села, аккуратно пристегнулась, «Мерседес» тронулся — и лишь после этого я взглянула на водителя внимательнее.

Хм... Навскидку лет сорок с хорошим таким хвостиком. Худой. Но сумку, в которой было килограмм двадцать, закинул одной рукой, словно она вообще ничего не весила. Волосы темно-русые, короткие, лицо вытянутое и, скорее, страшноватое, чем симпатичное. Одет в джинсы и свободную рубашку-поло, а на запястье связка бисерных фенечек.

Я невольно принялась.

Он рассмеялся.

— Это уже в прошлом.

— Что? — изумилась я. Он мысли читает?

— Травка, пиво, рок-н-ролл, танцы до утра. Все в прошлом. Сейчас я законопослушный американец, добросовестно плачу налоги и вообще — положительный член общества.

— Да мне, в общем, параллельно, что у тебя с налогами, лишь бы ты ехал в нужную сторону, — откровенно сказала я.

Он улыбнулся и кивнул, признавая мое право плевать на налоги и тех, кто их не платит.

Мы замолчали, дорога ровной серой лентой ложилась под колеса, белое кожаное сидение было мягким и удобным, «Мерс» глотал мили с предельной разрешенной скоростью, а я, кажется, задремала.

И проснулась на чужом диване в гостиной.

Сок оказался и в самом деле свежим. Спустя час или полтора я нашла в себе силы

вытащить свое брненное тело из ванной, обтереть полотенцем и задрапировать в футболку. Она оказалась мне чуть не до колен, из чего я вывела заключение, что новый знакомый довольно высок.

Что еще можно было заключить?

Богат. Я сама выросла не в трущобе, и прекрасно понимала, сколько стоит и конкретно эта модель гидромассажной ванны, и отделка комнаты натуральным травертином. Да и сам немаленький домик, построенный в месте, где каждый сантиметр ценился на вес золота, тоже говорил о многом.

Коридор вел на террасу, похожую на боксерский ринг или загон для скота. В общем, большую, квадратную и на скале. Внизу шумело море, а прямо здесь, за низким столиком, сервированным на двоих, сидел хозяин — уже без рубашки, небрежно брошенной на перила.

— Я решил приготовить блины с джемом. Будешь?

— Что, вот так, реально, сам испек? — удивилась я, — не экономка?

— Ты так удивляешься, словно я заткнул квадратной пробкой круглое отверстие. Блины — это же совсем просто. А экономки у меня нет, потому что нет необходимости экономить. Я, как ты, наверное, заметила, не беден. Кстати, Кельвин.

— Марта, — солгала я. Так, на всякий случай. То, что Харвест еще не успокоился, было ясно и ежу. Мы, конечно, уже пересекли границу штата, но кто знает, как далеко протянулись его загибающие лапы.

Я занялась блинами, попутно поглядывая на хозяина дома и пытаюсь угадать, во что встряла на этот раз. Одно ясно — если придется прорываться с боем, боюсь, ничего хорошего мне не светит. Кельвин ничем не напоминал тех самых, не к ночи помянутых, брутальных качков. Но, глядя на его широкие плечи, жилистые руки и поджарый, без капли жира, живот — я отчетливо понимала, что любой из таких мачо ему после завтрака вместо зубочистки.

Блины, кстати, оказались непривычно вкусными и рассеяли мое подозрение, что Кельвин просто разогрел замороженные, из гипермаркета.

— Чай? Кофе?

— Ничего крепче не предлагаешь? — уточнила я.

Кельвин качнул головой:

— Восемнадцать нет.

— На часах? — наивно хлопнула глазами я.

— И на часах тоже.

На перила опустилась до ужаса деловая сорока, привлеченная то ли блинами, то ли фенечками Кельвина. Тот кивнул ей, как старой знакомой, и, не вставая с кресла, поставил блюдо с блином на перила. Птица склонила голову, явно заинтересованно, и покосилась на меня черным, блестящим глазом.

— Не смотри на нее, — посоветовал Кельвин, — тогда она скорее к тебе привыкнет.

— Она ручная?

— Скажем так... У нее есть некоторые права на мое блюдечко.

— Послушай, Кельвин, — я, неожиданно для себя, дико смутилась, — а, ты не мог бы... раз уж я тоже сегодня имею некоторое право на твое блюдечко... — он поощряющее кивнул, — сдать мне в аренду стиральную машину, — договорила я, мучительно краснея, — а то мне не во что переодеться.

— В подвале. Вторая дверь направо.

— Спасибо, — встрепенулась я, — я тогда схожу?

— Сходи... Марта.

Я не сразу вспомнила, что нужно как-то реагировать на это имя, а когда сообразила и обернулась, похоже, было уже поздно. Он смотрел на меня своими чертовски умными светлыми глазами и видел намного больше, чем то, что под футболкой нет белья.

— Сходи, Марта. Мне есть чем заняться.

Кстати, блин с блюдечка таинственно исчез. Когда успела?!

Во второй раз мы встретились, когда тени от больших валунов, торчавших на пляже, достигли крыльца, а в доме ощутимо потемнело, словно перед грозой. Кельвин сидел в гостиной и задумчиво перебирал струны акустической гитары. Перед ним лежал телефон, несколько исчерканных листов бумаги и чашка с кофе. Кофе давно остыл.

Пальцы пытались нащупать мелодию. Начиналась она уверенно, словно спокойная волна, набегающая на берег, но потом музыка словно встречала на пути невидимый волнорез и спотыкалась, разбиваясь на фрагменты. Кельвину что-то не нравилось, и он вновь и вновь ловил ускользающую мысль... или чувство... или ощущение. А оно вновь и вновь ускользало. Наконец он признал поражение и откинулся на спинку дивана, глядя на меня, прилипшую к косяку.

— А я правильно догадалась, что ты играешь, — неизвестно чему обрадовалась я и, в ответ на его вопросительный взгляд поверх гитары, пояснила, — пальцы длинные. И кисти рук такие, как у музыкантов.

— Ты меня так внимательно разглядывала, — светлые брови поползли вверх, а глаза наполнило веселье, — надо же. Польщен. И как?

— Что «как»? — уточнила я, — Музыка? Или ты?

Свежее белье и собственная одежда волшебным образом излечили меня от смущения.

— Музыки ты еще не слышала, — отмахнулся он.

— Ну, кое-что слышала. Это песня?

— Это пока еще ничего, — Кельвин поморщился — со временем будет тема для нового сезона одного довольно популярного сериала. Если я соображу, как сделать переход в ритм не таким резким. Он должен менять настроение... А пока только ломает.

— Не разбираюсь в таких вещах, — с сожалением сказала я, — так что, наверное, ничем не помогу. А о чем сериал?

— О грабителях банков, — Кельвин подмигнул, — «42 секунды», может быть, видела хотя бы тизер?

— Да ладно! — я подалась вперед так, что Кельвина вжало в диван вместе с инструментом, — «Блюз медвежатников» — это твое? Серьезно? Адреналин и золото-о-о — провела я.

Кельвин картинно поморщился, но глаза его смеялись.

— Садись, — бросил он, — можешь рядом, можешь — напротив. Эксклюзивный концерт для одной поклонницы, — и тронул струны.

Мелодия вступила тихо, вкрадчиво, шепотом...

Важнейшее умение

Не действовать с плеча.

Спокойствие, терпение

И магия ключа.

А потом с сухим стуком метронома переплелась нота страсти, сначала нечувствительно, но чем дальше — тем больше.

Открой второе зрение
На пальцах чутких рук,
А дальше — вдохновение
И абсолютный слух.

И накатила волна — накатила, закрутила, потащила...

Союз фрезы и холода
И никаких мортир.
Адреналин и золото,
Адреналин и золото,
Мы будем вечно молоды...
Мы славим этот мир!

Иногда сухой стук метронома способен забить даже волну... На некоторое время.

Пока сгорает спичка
Секундам строгий счет
Мы гении отмычки
И многого еще.

Но потом волна берет свое!

Идущие за страстью,
Несущие любовь.
Мы — боги белой касты,
Мы — голубая кровь.

Союз фрезы и холода
И никаких мортир.
Адреналин и золото,
Адреналин и золото

«...Мы будем вечно молоды... Мы славим этот мир!» — шепотом провыла я в полнейшем восторге и замолотила кулаками по дивану.

— Тебе, в самом деле, так нравится? — спросил Кельвин.

— Шутишь?! — задохнулась я, — Это ж моя молодость!

И вот тут его пробил! Он ржал так, что даже уронил гитару.

— Ох, Марта! Старушка... А я тогда кто?

— Тебе виднее, — я пожала плечами, — но, знаешь, молодость — это не возраст.

— А что? — серьезно спросил он.

— Это окно, открытое в ночь — и никаких телохранителей за спиной, — выпалила я бездумно и без всяких опасений.

...Если бы он переспросил, или хотя бы удивился — я бы развернулась и ушла. Немедленно. Я отдохнула, помылась, пообедала, выстирала вещи. Меня больше ничего не держало в этом доме.

Но он ни о чем не спросил.

На парковке перед гипермаркетом было на диво пусто. Будний день, середина.

— Неудобно получилось, — сказала я, — давай, посмотрю чек и рассчитаюсь.

— Брось, — Кельвин пожал плечами, перегружая покупки в багажник, — можно подумать, мне трудно оплатить небольшой подарок своей симпатичной гостье.

— У меня есть деньги, — запротестовала я, досадуя на дуру-кассиршу, почему-то решившую, что мы вместе, и посчитавшую наши покупки в один чек.

— Тем более. Ты — состоятельный человек, я — состоятельный человек. Неужели два состоятельных человека будут тратить время на разборки, кому оплатить покупку в 9 долларов 24 цента?

...То есть он уже заглянул в чек? И знает, что в пакете?

— Марта! Мне 39 лет, как ты думаешь, неужели я еще не в курсе, что такое — девушка и как она устроена? Будь уверена — давно просветили, еще в школе. И, между прочим, я писал музыку к рекламе тампонов.

— Хочешь, чтобы я прямо здесь превратилась в пылающий факел? — поинтересовалась я.

— О, нет, только не тут. Здесь бензин.

Увлеченные разговором, мы не заметили, что почти рядом с нами припарковался большой черный джип. Но вот парочку ребят, которые из него вышли, не заметить было просто нереально. Особенно одного: здоровенного, как лось, темноволосого, с заметным шрамом во все лицо.

Похоже, сработало то, что мы весь вечер и пол ночи болтали о кино. Потому что я среагировала в духе Голливуда: обернулась к Кельвину, стремительно сунула руки ему подмышки, тесно прижалась и быстро зашептала:

— Обними меня! Пожалуйста, быстро! Ни о чем не спрашивай, все потом...

К чести моего спутника, он просек мгновенно. Его руки оказались у меня на плечах, потом спустились ниже и легонько сжали.

...Сзади слышались голоса, совсем рядом, хотя слов было не разобрать. Но голос Дика я различала вполне отчетливо, удалось даже понять: они спорили, что купить — пиццу или роллы.

Как они оказались здесь, черт возьми? Случайность? Или этот умный пес все-таки взял след? Если так — то это плохо.

Мне было никак не расслабиться, ногти скребли по футболке Кельвина. Бездарная актриса вчистую проваливала сцену.

Он наклонился ко мне, мазнул по виску легким поцелуем и на выдохе шепнул:

— Прижмись ко мне плотнее и закрой глаза. Остальное я сам сделаю. Доверься мне, я же профессиональный актер, хоть и второго плана. Ну!

Голоса стихли. Похоже, ребята все же пришли к консенсусу. Я боялась, что Дик

останется здесь, а второй пойдет за пищей... или за роллами, один черт. И нам придется садиться в машину и уезжать на глазах у моего бывшего телохранителя, а он слишком хорошо меня знал: каждую линию, каждое движение. Глупый маскарад его бы никогда не обманул. Но, видно, судьба в этот день была за меня, потому что за покупками отправился, как раз, Дик.

Кельвин легонько направил меня к машине, усадил на сиденье, пристегнул и выехал с парковки, стараясь сманеврировать так, чтобы между нами и джипом оказалась квадратная колонна.

До самого дома мы молчали. Но я не испытывала по этому поводу никаких иллюзий. Объясниться все равно придется. То, что вчера он ничего не спросил — было проявлением такта. Если он и сегодня ничего не спросит, это будет махровой глупостью с его стороны. А Кельвин мне дураком не показался.

Добравшись до дома, он так же спокойно поставил машину в гараж, переложил продукты в холодильник, взял пару стейков. Все это время я подпирала косяк на кухне, как ну очень виноватая статуя. Или статуя очень виноватого? Аллегория Вины, вот!

— Порежешь салат? — спросил он ровным тоном.

— Да, конечно, — встрепенулась я, — а нож?..

— В верхнем ящике. Я люблю с оливковым маслом и чесноком, но ты можешь заправить, как хочешь. Я готов к экспериментам и открыт всему новому.

Это что, получается, он на меня не сердится?

Вся посуда была загружена в мойку, передо мной поставили чашку чая. Кельвин, не торопясь, вытер руки, поставил стул и уселся на него верхом, внимательно глядя на меня.

— Я тебя слушаю, Марта.

— Не знаю, с чего начать.

— Ну... можешь начать с того, что у тебя нет телефона. Кстати, возьми — это недорогая и удобная модель, без лишних наворотов но с выходом в сеть, навигатором и хорошим плеером. Сюда вбит мой номер.

Я вскинула голову с понятным недоверием.

— Вроде бы рождество еще не скоро?!

— Это на день рождения. Вроде бы на этот праздник тоже принято дарить подарки, я ничего не перепутал?

— Откуда ты... — начала я и осеклась.

— Не перепутал, — удовлетворенно кивнул Кельвин, — извини, Джоули, но твои портреты на всех пакетах с молоком.

— Черт! — выругалась я.

— Это Америка, детка.

— Боже, храни ее так, чтобы мало не показалось, — буркнула я. Немного помолчала.

— Кельвин, что бы ты не думал обо мне, но это не подростковый бунт, против того, что мама не пускает на дискотеку.

— Наверное, — согласился он, — подростки, как правило, не сбегают из дома без запасного белья, зато с сумкой, набитой пачками долларов и пистолетом не самого мелкого калибра. Ты из него кого-нибудь уже пристрелила?

Возмущаться тем, что он сунул нос в мои вещи, как-то не тянуло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не успела.

— Уже хорошо. Значит, электрический стул с повестки дня снят, — невозмутимо произнес Кельвин, — кто эти парни, на стоянке? Их наняла твоя мама? Или хозяйка долларов?

— Думаю, они объединились, — я вяло пожала плечами, — Мама считает, что я просто упускаю хорошую возможность заработать миллион.

Кельвин меня не подталкивал. Только смотрел с такой готовностью принять любую правду, даже если это будет правда о вампирах и оборотнях, что я вдруг перестала нервничать. От слова — совсем.

— Кельвин, — я вздохнула, — боюсь, я втянула тебя в плохую историю и тебе грозит опасность.

... - Да, история, — хмыкнул он, когда я закончила рассказывать, — Не то, чтобы плохая, но — очень странная. Был бы я сценаристом, сделал бы на ней больше, чем у тебя в сумке. Но я всего лишь бывший актер и, смею надеяться, неплохой композитор, так что твои тайны в безопасности.

— Как ты думаешь, Дик здесь случайно? Или... он меня ищет? Но Харвест же должен был получить большую часть украденного назад. И — я собираюсь вернуть остальное, как только окажусь в безопасности.

— Боюсь, Джоули, о деньгах этот Харвест думает меньше всего. Ему нужна ты.

— Да зачем! — воскликнула я, — Ты его не видел! Парень из списка «Форбс», да еще хорош, как будто его в реале отфотошопили. Только пальцем щелкни — любая за счастье.

— Если так, чего ты от него бегаешь?

— Не люблю всяких извращений. Хочу знать, что происходит и чем мне это грозит.

— Достойная позиция.

Кельвин замолчал. И замолчал как-то так... красноречиво.

— Ты знаешь, в чем дело? — осенило меня.

— Ну, не то, чтобы прямо так знаю. Но догадываюсь, — Кельвин сцепил руки в замок и лег на них грудью, — Мы как-то работали над одним фильмом. Масштабный, дорогой проект. Там была такая фишка — есть люди, обладающие Даром.

— Магией? — перебила я.

— Нет, магия — немного другое. Просто Даром. В фильме это было чтение мыслей и умение управлять людьми. Этот дар просыпался в 18 лет и только у девушек. Но если мужчина брал девушку до ее совершеннолетия, все равно, силой или с согласия, этот дар переходил к нему.

— Бред, — отреагировала я.

— Бред, — согласился Кельвин, — Но это единственный бред, который может объяснить желание Харвеста отдать за твою девственность миллион.

— Черт, — я запустила пальцы в волосы и дернула изо всех сил, — Кельвин, если ты прав, то я серьезно встряла. Он от меня не отвяжется, пока не получит свое. Или...

Я подняла голову и вцепилась в него взглядом. И с чего я взяла, что он некрасив? Лицо как лицо, немного слишком вытянутое, зато глаза удивительные. А ресницы — любая девушка обзавидует. Про тело я вообще молчу, он мог бы плавки рекламировать. Сильное, подтянутое, сухое. У меня была масса возможностей его рассмотреть. Кельвин, похоже, терпеть не мог рубашки, майки и вообще все, что выше пояса и освобождался от них сразу,

как загонял машину.

— Джоули, ты смотришь на меня, как Лили Мэш на «Чупа-Чупс». Имей в виду, я все равно не покраснею, это тоже давно в прошлом.

— Там же, где травка и рок-н-ролл?

— Чуть левее и севернее, но, в общем, где-то рядом, — кивнул он, — так что за мысль пришла в твою шальную голову?

— А ты бы хотел такой дар? — выпалила я. Как с обрыва бросилась. Даже, кажется, зажмурилась.

— Читать мысли? Или управлять людьми? — спокойно переспросил Кельвин, — ну, наверное, штука полезная. Но если для этого нужно изнасиловать ребенка — однозначно, нет. Как-нибудь обойдусь. До сих пор же обходился.

— А если по согласию?

— Джоули? — Кельвин аккуратно, одним пальцем приподнял мой подбородок и заставил открыть бесстыжие глаза, — Это что, предложение? Я правильно понимаю?

— Кельвин, если для того, чтобы меня оставили в покое, мне нужно всего лишь с кем-нибудь переспать, то я бы предпочла тебя. Ты, в отличие от Харвеста, мне, по крайней мере, нравишься.

— Успела, значит, рассмотреть, — хмыкнул Кельвин. Польщенным он почему-то не выглядел. — Извини Джоули, таких услуг я не оказываю. Ты для меня — ребенок.

— Да брось! Ты совсем не старый!

— Я — не старый, — с усмешкой согласился Кельвин, — Ты — слишком молода. И чувства у меня к тебе могут быть только отцовские. Помочь, поддержать, успокоить. Вломить за тебя.

— Вломить я и сама могу.

— Ничуть не сомневаюсь.

Я глубоко вдохнула.

— Кельвин, а при чем тут вообще чувства? Можно подумать, секс всегда бывает по большой и чистой любви, единственной на всю жизнь. Тебе настолько в лом оказать мне дружескую услугу?

— Да не в этом дело! Там, в этом фильме было кое-что еще. Есть девушки, которым нельзя терять Дар. Ни при каких обстоятельствах. Без него они умирают. И есть вероятность, что ты — одна из них.

Я зажмурилась. Вечер. Кафе. Бродяжка. «Береги свой огонь...»

— Черт, — повторила я, — Да ну, глупость! Может быть, бабка просто ваш фильм смотрела.

— А вот это — совершенно неважно, — в тишине гостиной голос Кельвина прозвучал как-то особенно веско, — Знаешь, что такое фантастика? Это шаг от реальности. Может быть один, может быть — сто. Но от реальности. Откуда-то взялся этот запрет. И лучше бы его учитывать.

Остаток вечера я смотрела трехчасовой фильм, изо всех сил пытаюсь не следить за лихо закрученным сюжетом и непростыми отношениями героев, а анализировать концепцию, пытаюсь вычленив полезную информацию. Боюсь, аналитик из меня вышел... не самый лучший. Я поняла лишь одно — инициация происходит на выбросе сильных эмоций. Без разницы: любви, ненависти, боли, гнева. Если бы мне удалось, как добропорядочной английской леди викторианской эпохи, «лечь на спину и молиться», или, как сказала

Джанет, отнестись ко всему этому как к медицинской процедуре — безэмоционально...
Черт, я бы могла круто обломать Харвеста.

Если, конечно, этот фильм и в самом деле был шагом от реальности, а не совместным глюком сценариста и режиссера.

— Удалось найти что-нибудь полезное? — спросил Кельвин за поздним ужином, который мы, как и обед, готовили вдвоем.

— Что-то удалось, — я пожала плечами, — но насколько оно полезно... Жизнь покажет.

Кельвин держался подчеркнуто спокойно, я даже начала думать, что зря себя накрутила, когда заметила, что композитор своими музыкальными пальцами случайно завязал в узел столовую вилку.

— Что-то в воздухе, — объяснил он, — не могу сказать, но загривком чую, еще аукнется нам с тобой этот шоппинг.

— Так давай я просто исчезну, — предложила я, — прямо сейчас.

— Думаешь, поможет? — Кельвин насмешливо двинул бровями, — ты такая наивная... Эти ребята все равно вытрясут душу из всех, кого видели поблизости, просто так, на всякий случай.

— И... что делать? В погребе прятаться?

— Спать ляжешь наверху, со мной, — решил Кельвин.

— Ты подумал, и понял, что пока дают — нужно брать? — обрадовалась я.

— Нет. Я подумал и решил, что в нашей ситуации все средства хороши. Чем черт не шутит, вдруг они подумают, что — было, и отвяжутся от тебя.

— Это кто из нас наивный? — осторожно уточнила я.

— Оба, — признал Кельвин, — Но никого более подходящего здесь все равно нет, так что будем выкручиваться сами.

— Спой мне, — попросила я. Он не стал отказываться. Гитарный перебор вплеся в темнеющее небо и заменил тревогу светлой печалью.

...Мне нужен ангел персональный,

Чтоб он спасал меня любя.

Не просто образ идеальный,

А чтобы был чуть-чуть в тебя.

Чтоб было в нем немного неба,

Чтоб было в нем чуть-чуть земли,

И чтобы он и был и не был

И крылья у него росли...

У тебя глаза как звезды,

У тебя как крылья руки.

Приходи, пока не поздно.

И спаси меня от скуки.

От движений бестолковых

И от мыслей неприличных,

Что живется мне хреново,

И что я родился...
Лишним.

Я слушала его голос, красивый, низкий, с легкой хрипотцой, очень сильный — и обмирала от восторга, смешанного с тоской и завистью. В нем была любовь. И эта любовь предназначалась женщине. Но — не мне. Я всего лишь ребенок.

За 16 лет я умудрилась ни в кого не влюбиться, даже по-детски. Парни на меня пялились, мне это нравилось, но сердце не дернулось ни разу. А вот сейчас оно сходило с ума, вибрировало в такт струнам, пело — и было мне больно, но и хорошо.

Такая жизнь бывает стерва,
Что просто не хватает сил.
И с ней нужны стальные нервы,
И надо, чтобы ангел был.

И чтоб не просто лик печальный,
С какими подают пальто.
Мне нужен ангел персональный —
И ты подходишь как никто...

...Кто она такая, Кельвин? Ее здесь нет, нет даже халатика. Значит — ее просто нет в твоей жизни. Ты один. И ты не позволишь мне даже попробовать. Не потому, что я ребенок. И не потому, что это опасно. А просто потому, что Она отняла тебя у всех остальных, подарив взамен музыку.

Ты считаешь это равной заменой?

Господи, как я хочу еще раз, хотя бы один раз почувствовать твои руки на своей спине, твои губы у виска, твое дыхание, щекочущее кожу.

Вот оно как, оказывается, ощущается, это самое: «Я тебя хочу». Как жар, жажда и нехватка кислорода. И, одновременно — как набор высоты.

Я набираю высоту, Кельвин. И ты это чувствуешь — не можешь не чувствовать. Поэтому голос становится таким бархатным.

У тебя глаза как звезды,
У тебя как крылья — руки...

Наклонись ко мне. Коснись меня, пожалуйста! Хотя бы локтем, коленом, грифом гитары — чем угодно. Коснись меня, иначе я это сделаю сама — и гори все синим пламенем. Господи, нам же как-то еще и спать в одной комнате и, не дай Создатель, в одной постели. Я же не выдержу, я уже не выдерживаю...

Последний аккорд долго висел в пустоте. Так долго, что я успела умереть и воскреснуть, и пять раз облизать губы, и построить с десятков воздушных замков и с пяток лестниц в небо.

— Пойдем спать, Джоули, — сказал он, — уже поздно.

Его голос был совершенно спокоен.

Он ничего, абсолютно ничего не почувствовал.

Еще никогда я не была так близка к тому, чтобы позорно разреветься. Если всего лишь

желание такая жесткая штука, то — что же любовь? Ясно, почему у Кельвина осталась только музыка. Под таким напряжением просто выжить — уже джек-пот.

* * *

В темноте спальни, лежа с открытыми глазами и тихонько вдыхая запах чужой подушки, я выдержала не долго. Минут десять. И тихонько, сходя с ума и от собственной смелости, и от унижения, попросила:

— Обними меня. Пожалуйста.

Кельвин тихонько хмыкнул.

— Да-да. Сначала обними, мне холодно. Потом поцелуй на ночь, мне страшно. Потом: «а с языком?»

Голос звучал язвительно, но почему-то совсем не обидно. И меня вдруг отпустило.

— Скажешь тоже, — фыркнула я совсем другим тоном, — ну и поцеловал бы. Можно подумать, от тебя бы убыло. Надо же где-то юным девушкам опыта набираться, так почему не с тем, у кого этот опыт ТОЧНО есть.

Кельвин перевернулся на спину, закинул руки за голову и рассмеялся.

— Джоули... Да потому что не получится. Поцелуй — это химия. И техника тут почти ничего не решает. Ты делаешь все ровно то же самое, но с одной это — волшебство, а с другой — как яблоко облизать.

— Понятно, — протянула я. Немного помолчала и заключила, — но обидно. Я всю жизнь считала себя ничего такой девочкой.

— И продолжай. Я когда тебя на том шоссе увидел, дал по тормозам раньше, чем сообразил, что происходит.

— Да ладно! Шутишь?

— С места не сойти! — побоялся Кельвин, — Стоит такое видение в лучах рассвета: ноги длиннющие, талия — руками обхватишь, грудь — слюной захлебнешься. А губы... немножко больше, чем голливудский стандарт, но, знаешь, при определенных обстоятельствах это очень даже круто.

— Это ты сейчас о чем? — я аж на локте привстала.

— Провокаторша, — Кельвин вдруг молниеносно переместился на постели, опрокинул меня на подушку и завис, расставив руки по обе стороны моей слегка испуганной тушки, — Ты и в самом деле так сильно хочешь научиться тому, что умеют взрослые мальчики и девочки? — вкрадчиво спросил он, так, что по спине пробежали мурашки.

В горле мгновенно пересохло. Я испугалась до судорог, но решительно кивнула. А, сообразив, что в темноте он может не разглядеть моего движения, торопливо добавила:

— Хочу.

— Тогда вставай и одевайся. Пойдем учиться водить морскую яхту.

— Ты кошмар всей моей жизни, Кельвин, — простонала я, — просто вне рейтинга!

— Я всегда вне рейтинга, — хмыкнул он, — возьми мой свитер, ветер будет свежим.* *

*

— Я целый вечер пытался сообразить, что нам делать. Удрать — первое, что приходит в голову. Но дороги, после вашей милой шалости с банком, везде перекрыты, а ты — в розыске. Потом до меня дошло, что можно уйти морем. Поздновато, конечно, но могло быть хуже. Я бы мог про яхту и вообще не вспомнить.

— А на море, разве, полиции нет?

— Есть. Но с ней договориться легче, — Кельвин кивнул на мою сумку.

Я тоже покосилась на нее. Вот, по идее, о чем я сейчас должна беспокоиться? О том, что совершенно посторонний мужик ночью на яхте выходит в море с моими деньгами. Вопрос — зачем ему я? Ответ очевиден — притопить в самом глубоком месте. А что? Живет он уединенно, вместе нас никто не видел, если не считать Дика и К°

— А о чем ты на самом деле беспокоишься? — всерьез заинтересовался Кельвин.

Я с трудом оторвала взгляд от стеклянно-черной воды и россыпи огней на побережье, от которой мы удалялись на хорошей скорости. Не знаю, как там с узлами, но миль 30 мы делали. То, что Кельвин так легко читал мои мысли, уже не удивляло. И не пугало. Было бы что читать!

— Вдруг они все-таки найдут твой дом, — откровенно ответила я, — И подожгут, или еще что-нибудь.

— Это будет досадно, — согласился Кельвин, — но, надеюсь, поимка тебя для них все же в приоритете, а поджог им в этом никак не поможет.

— При такой скорости мы можем уже завтра быть в Тихуане.

— Как вариант, — кивнул Кельвин.

— Но мы идем не туда, — интонация получилась утвердительной. Кельвин не стал спорить.

— Здесь рядом есть остров, — произнес он, через некоторое время, — небольшой.

— И что там?

— Не «что», а «кто». Там живет один мой приятель... Не худо бы с ним посоветоваться.

— Что за приятель? — неприятно удивилась я, — ты собираешься ему все рассказать? А ты уверен, что он нас не сдаст копам или кому-нибудь еще?

— Ты ведь мне уже доверилась, Джоули?

— Да. А вот теперь думаю — не зря ли.

Он грустно улыбнулся:

— Время покажет. Ну, что ты прилипла к этому странному однообразному пейзажу. Иди сюда, садись в кресло. Объясню, как рулить.

— Тут же рифы кругом, — опешила я.

— Если бы тут был океан на трое суток, я бы включил автопилот и пошел спать.

— Но как я их увижу в темноте? — слегка занервничала я.

— Эхолот увидит. Главное, смотри вот на этот экран, и поворачивай штурвал так, чтобы зеленая точка примерно придерживалась нужного направления. Направление — вот. Вперед!

— А ты куда?

— Спать, — он зевнул, — надо же когда-то и этим заниматься.

— Эй, Кельвин, ты пошутил? — в панике заорала я, уводя яхту от неминуемого, казалось, столкновения со скалой. Как ни странно, все получилось и я чуть приободрилась, хотя мандраж меня колотил изрядно.

— Вот видишь, ты отлично справляешься... — Он мастерски выдержал паузу, в самом деле — профессиональный актер, тихо рассмеялся и присел рядом.

— Ладно уж, присмотрю.

— Кельвин, тебя наверняка когда-нибудь уже били за твое дебильное чувство юмора! — рыкнула я со злостью и облегчением.

— Били, — он пожал плечами, — и не только за него. Так что, теперь — не шутить?
— Шути, — разрешила я, — только завещание составить не забудь.

К острову мы подошли перед самым рассветом. Он открылся прямо по носу и оказался небольшим куском скалы, вынесенным далеко в море и изгрызенным водой до состояния «больше не хочу». Кельвин сменил меня у руля и аккуратно провел яхту мимо зубастых рифов в укромную, глубоко врезанную в плоть острова бухточку. Пожалуй, здесь нас с моря не увидят...

Вода была изумительно прозрачной, почти хрустальной. Я отчетливо видела пестрые камни на дне и деловитые стайки рыбок, хотя весь мой опыт говорил, что глубина тут приличная.

Причала не было. Яхта ткнулась носом в полосу жемчужного песка и Кельвин, спрыгнув за борт с мотком веревки, крепко прикрутил ее к торчащему тут же валуну. Я молча последовала за ним. Как он сказал? Доверилась? Вот уж что мне было никогда не свойственно... Н-да. Все когда-нибудь происходит впервые.

Мы прошли небольшой мангровой рощей, больше похожей на чащу, и вышли на другой конец острова. Там тоже была бухта, только более открытая и оборудованная, на пляже торчала маленькая хижина, крытая пальмовыми листьями и больше всего похожая на большую корзину, а в море, по колено в воде стоял совершенно голый чернокожий мужчина. Судя по длинной палке и напряженной позе, он пытался острожить рыбу.

Всегда питала недоверие к такому способу добывать себе еду. Но островитянин, похоже, знал, что делает. Не прошло и секунды, как он сделал очень быстрое, почти неуловимое глазом движение и на берег, сверкнув чешуей, полетела здоровенная рыба.

— Хай, Джерри! — заорал Кельвин.

Рыбак обернулся. Заулыбался, махнул рукой и пошлепал по воде к нам.

Кельвин схватил меня за плечи, развернул и, ткнув головой в плечо, крепко прижал.

— Приветствую тебя, о, мой светлый брат! Да осияет тебя благодать Всевышнего, да не коснется тебя его гнев. Да будут легки твои дни и хороши ночи...

— Спасибо, Джерри, ты очень щедр, — фыркнул Кельвин, — познакомься. Это Джоули, моя гостья. А этот наглый тип, можешь повернуться, он прикрылся рыбой... Так вот, этого нахала зовут Джерри, и он — легендарный сент-луисский Отшельник, почти святой. А по совместительству, лучший колдун Вуду на все побережье Калифорнии.

Я повернулась.

Колдун?! Настоящий?

Афроамериканец преклонных лет... Я бы даже рискнула назвать его стариком: все лицо колдуна изрезали глубокие морщины, остатки волос, торчавшие из-за оттопыренных ушей, были серебряными. Но на этом старость заканчивалась. Он тоже мог рекламировать плавки — если бы не внушительная коллекция шрамов. Похоже, большинство из них он нанес себе сам.

Темные глаза смотрели на меня внимательно и добродушно.

Я протянула руку для знакомства.

Колдун покосился на нее с суеверным ужасом:

— Вот незадача! Что мне бросить, юная мисс, острогу или рыбу?

— Свою идиотскую манеру встречать гостей с голой задницей, — хмыкнул Кельвин, — это будет твоя самая полезная потеря.

Я терпеливо ждала. Старик, наконец, закончил пикироваться с Кельвином, воткнул острогу в песок и пожал мне руку.

— Приветствую вас в моих скромных владениях, — серьезно сказал он, — Создатель Всего Сущего в неизъяснимой мудрости своей послал мне на завтрак большую рыбу. Вы согласитесь разделить ее со мной?

— Если ты окажешь нам милость и прикроешь свой тощий зад какими-нибудь штанами, — отозвался Кельвин.

Вскоре запыхал костерок. Выпотрошив рыбу, Джерри бросил потроха радостно вопящим чайкам и обмазал ее глиной. Все это он делал быстро, умело, почти не глядя на то, что творят руки. И — не прекращал говорить. Легендарного отшельника интересовало все: почем нынче рыба на городском рынке, удалось ли провести закон о нелегальных эмигрантах, получил ли Ди Каприо своего Оскара... Все, кроме того, за чем нас, собственно, сюда принесло.

Кельвин заговорил об этом сам.

— Джерри, нам нужна твоя помощь. Ты ведь можешь провести для нас обряд.

— Для вас? — темные глаза из под тяжелых век словно плеснули горячей смолой, я поежилась.

Кельвин не дрогнул. И глаза не опустил.

— Для нас, — повторил он.

— А кто платить будет?

— Я.

Джерри покачал головой:

— Платить должен тот, кто задает вопрос.

— Я и задам. Я же могу задать вопрос о другом человеке?

— Эй! А ничего, что я тоже здесь? — встряла я, — о чем, вообще, речь?

Кельвин открыл рот, но Джерри бесцеремонно вскинул руку, призывая его помолчать. И тот послушался.

— Видите ли, юная мисс, — колдун прищурился, — Ко мне часто приезжают просто так. Поглазеть на знаменитость... Ну и заказать «настоящий ритуал Вуду» всего за 150 долларов, группам — скидки. Это бизнес. Я показываю им фокусы, они падают в обморок — все довольны. Клиенты получили настоящую магию Вуду, я — настоящие американские деньги, а духи Лоа довольны тем, что их не тревожат по пустякам. Но этот, — Джерри кивнул в сторону притихшего Кельвина, — он никогда не приходил с ерундой. Ему всегда нужна НАСТОЯЩАЯ магия.

— И в чем проблема? Ты это можешь?

Джерри хмыкнул:

— Могу, юная мисс. Но за НАСТОЯЩУЮ магию Вуду я должен взять НАСТОЯЩУЮ цену. С того, кому нужен НАСТОЯЩИЙ ответ. Духи Лоа не терпят жульничества.

— Что за цена? — спросила я.

— Отказ от желания. От сильного желания. От самого сильного желания, которое тебя сейчас, в эту минуту, прожигает насквозь. Ответ себе — чего ты желаешь больше всего на свете. И — откажись от этого. В пользу духов Лоа. Это единственная валюта, которая у них в ходу.

— Понятно, — кивнула я. Помолчала. Потом подняла на старика глаза, — Я могу подумать?

— Конечно, юная мисс. Ритуалы Вуду вершатся после заката. У вас целый день. А сейчас: мой нос мне подсказывает, что рыба дошла. Давайте разделим пищу, посланную Создателем, и вознесем ему хвалу за то, что подарил нам такое дивное утро.

Рыба и впрямь оказалась невероятно вкусной. Или это я так проголодалась от волнения? Мы умяли ее с большими пресными лепешками, запивая чаем с привкусом каких-то незнакомых трав. Будем надеяться — разрешенных законом.

— Хочешь искупаться? — предложил Кельвин.

Мне хотелось, еще как. Прозрачная вода манила почище холодного лимонада в жаркий день.

— У меня нет купальника.

— Так вам повезло, юная мисс, — встрял Джерри, который опять улыбался до ушей, — У меня лучший на побережье нудистский пляж!

— Слышала? — спросил Кельвин, — вперед! Мальчики — направо, девочки — налево.

— Подглядывать будете? — строго спросила я.

— Конечно, будем, — заверил Кельвин, глаза его смеялись, — мужики мы или нет? Да ладно, Джоули, не комплексуй. Пусть гордится скромностью тот, у кого нет других поводов для гордости...

— Ну, смотри, ты обещал, — я рассмеялась и бегом бросилась к воде, на ходу избавляясь от топа.

... - Кто она тебе? — жестко спросил колдун, едва тонкая золотистая фигурка с разбегу нырнула в волну.

— Не скажу, — Кельвин виновато улыбнулся, — сам не знаю. Но это почему-то очень сильно...

— Между вами связь, — согласился Джерри.

— Она — ребенок, какая связь? Я на двадцать три года старше. И потом, сдается мне, она не простая девушка.

— Ты правильно чувствуешь. Тебе с ней — нельзя. — подтвердил Джерри, — Совсем нельзя. Даже не думай в эту сторону, иначе никогда в жизни себе не простишь. Между вами есть связь, но какая-то другая. Не могу понять... она давняя. И неразрывная...

— Значит, это не любовь с первого взгляда?

— Любовь, — серьезно сказал колдун, — только не вот эта, — он изобразил пальцами тычинки и пестики на старшем круге эволюции, — какая-то другая.

— Ты проведешь обряд?

— Если юная мисс согласится заплатить. И не спорь со мной, — Джерри вскинул руку, — духи Лоа не простят подмены. Она заплатит сама.

— Мне это не нравится, — буркнул Кельвин.

— Духи Лоа справедливы. Они лишнего не возьмут. Не бойся за нее — у этой девочки впереди долгий полет.

— Полет?

— Полет, — повторил Джерри, — У нее сильные крылья.

Ночь наступила как-то незаметно. Вот только что солнце сияло в зените, и мы

прятались от жары в смешной хижине-корзинке, потом Кельвин играл на барабанах, старых, обтянутых воловьей кожей — а Джерри танцевал на песке какой-то странный африканский танец. Потом мы делали — и пили лимонад, а солнце купалось в море перед тем, как нырнуть за край земли — и весь мир был сначала алым, потом сиреневым, а потом погрузился в кобальт.

Я то и дело ловила себя на мысли, что уже давно не была так счастлива и свободна.

Я стояла на берегу, наблюдая, как волны набегают на берег и с тихим шелестом отступают назад то ли угрожая, то ли играясь... а может, и то и другое. Кельвин подошел неслышно. Я поняла, что не одна, только когда его легкая рука легла мне на плечо.

— Пойдем? — спросил он, — Не передумала?

— А ты?

— Ты сейчас о чем? — осторожно уточнил он.

— Все о том же, — я пожалала плечами, — иногда простой путь — самый верный.

— Не тот случай, — он быстро обнял меня и тут же отстранился, — Ну, если не передумала — пойдем. Духи Лоа уже потихоньку слетаются к хижине. Не стоит заставлять их ждать.

— Да, — кивнула я, — Это будет невежливо.

И побрела по песку, наслаждаясь его шелковым прикосновением к босым ногам, редкими уколами ракушек, посвежевшим ветром с моря, который приятно охлаждал спину. А больше всего тем, что Кельвин неслышно шел рядом.

Джерри уже переоделся. Вернее, оделся в какую-то хламиду... даже боюсь представить, когда ее в последний раз стирали. И какого она была цвета изначально. От хламиды пахло старой кровью. Бог знает, почему я так решила — просто этот тревожный запах не мог быть ничем иным. Руки — по самые плечи, шею и даже ноги украшали какие-то замысловатые украшения, сделанные из птичьих черепов, чьих-то зубов и черт знает какой еще дряни. На вытертой циновке, прямо на полу, стояла глубокая плошка с размягченной глиной. Рядом лежал длинный деревянный футляр, украшенный сложным и каким-то неприятным орнаментом.

— Свечи, — велел колдун.

— Белые? — уточнил Кельвин.

— Ну не розовые же, — хмыкнул тот, на мгновение снова превращаясь в Джерри.

Свечи расставили по периметру. Я подумала: он воспользуется зажигалкой или будет высекать огонь с помощью кремня и кресала... Но Джерри просто вскинул руки и чуть прищелкнул пальцами — и все свечи вспыхнули одновременно. Пламя было ровным и не чадило.

— Духи Лоа благосклонны, — тихо, веско сказал он, — садись напротив.

Я осторожно опустила на циновку и поджала ноги так же, как он.

— Как тебя зовут. Назови полное имя.

— Анна Ребекка Джоули Макферсон, — произнесла я вдруг пересохшими губами.

— Хорошее имя, — удовлетворенно кивнул Джерри, — за тебя перед престолом Всевышнего встанут две сильные святые. Он простит тебе эту ночь. И так: Анна Ребекка Джоули, чего ты хочешь от духов Лоа?

— Знания, — без колебания ответила я, — Я хочу знать, зачем я нужна Харвесту, и как мне от него избавиться.

— Делай его куклу, — Джерри кивнул на миску, — думай о нем. Представляй только его. Так, словно он один в твоей голове.

Я давно не лепила. А уж скульптуру — и вовсе никогда. Но от меня и не требовалось портретного сходства. Нужна была лишь кукла — и мои чувства. Мой страх, моя ненависть, моя растерянность. Моя отчаянная решимость не сдаваться, противостоять Харвесту, главе клана Вепря, любым способом, любым путем. Я представляла его длинное, красивое лицо, элегантный костюм, жесткие, равнодушные глаза и пренебрежительный жест рукой в мою сторону... Я видела его так отчетливо, что, если бы какая-нибудь мышь или мошка шевельнула в этом месте воздух, я бы выстрелила в пустоту. Или запустила туда миской.

Кукла получилась кривая, руки-ноги разной величины, голова — как тыква. Но Джерри остался доволен.

— Ты хорошо сделала куклу, Джоули, — сказал он, — это Харвест. Я чувствую связь. Он очень зол на тебя.

— Переживет, — равнодушно бросила я.

— Ты готова заплатить?

Я поборолла желание взглянуть на Кельвина, замершего в углу и, кажется, даже дышавшего через раз.

— Да.

— Чего ты хочешь, Джоули? Чего ты сейчас, в эту секунду, хочешь больше всего на свете. Говори правду, духи Лоа не терпят обмана.

— Надо сказать вслух? — спросила я, — а разве духи Лоа не читают в сердце?

— Духи читают, но сказать надо обязательно. Мир должен слышать, что ты честно платишь. Чего ты хочешь, Джоули?

Я на секунду прикрыла глаза и выпалила:

— Его! Кельвина!

Джерри не удивился, только чуть сощурил темные глаза.

— Ты его хочешь — как своего мужчину?

— Да!

— Этого никогда не будет. Духи Лоа приняли плату. Мир слышал. А теперь спрашивай. Спрашивай, девочка. Ты честно платишь — духи будут добры к тебе.

Он сунул мне в руку длинную серебряную иглу.

— В центр лба, потом — сердце, живот, пах, руки и ноги. Обязательно в этом порядке. Один вопрос — одна игла. Спрашивай с умом.

Я шумно выдохнула, так, что пламя свечей качнулось. Слишком далеко все зашло, чтобы отступить сейчас. В конце концов, я уже заключила сделку и внесла плату, так почему бы не получить то, ради чего все затевалось.

Игла легко вошла в мягкую глину. Ни крови, ни других спецэффектов не было.

— Почему Харвест так хочет получить именно меня, — мой голос дрожал от напряжения, но не сорвался.

— Он хочет не тебя. Он хочет силу Луны. Силу Черных Крыльев, — проговорил... Джерри. Наверное, Джерри, больше в круге никого не было, но голос был не его. Колдун сидел с закрытыми глазами и раскачивался из стороны в сторону.

— Что за сила Луны и Черных Крыльев? — растерянно переспросила я. Джерри молчал.

— Игла, Джоули, — подсказал Кельвин.

Вторая игла вошла в левую сторону груди кривой куклы.

— Что значит сила Луны и Черных Крыльев, — повторила я.

— Луна помогает Охотнику всегда настигать добычу. Черные Крылья дадут скорость ветра.

— Ничего не понятно, — я покрутила головой и взяла третью иглу.

— Можно сделать так, чтобы он от меня отвязался?

— Можно, — сказал Джерри не своим голосом и замолчал. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что ответа не будет. Вернее, что это и был ответ.

— Вот ведь... Ладно, ваша взяла. Что я должна сделать, чтобы Харвест оставил меня и Джанет в покое.

— Джанет уже заплатила. Ей ничего не грозит.

Что неведомые духи Лоа хотели этим сказать? Кому грозит опасность, если не Джанет. И тут я чуть не хлопнула себя по лбу — вот ведь идиотка, напрасно потратила вторую иглу!

— Что я должна сделать, чтобы освободить от Харвеста себя и своих потомков, — выпалила я прямо в слепое лицо колдуна и воткнула иглу в ручку куклы.

Показалось, или свечи снова дрогнули?

— Вернись к началу, — сказал голос, уже ничем не напоминающий дребезжащий тенорок Джерри.

Зло шурясь, я всадила еще одну иглу.

— Что мне нужно сделать, вернувшись к началу.

— Разорвать договор.

— Каким образом?

— Принять свое наследие. Развернуть Черные Крылья...

— Кажется, кто-то решил поиграть в «Колесо Фортуны», — рыкнула я. Последняя игла с едва ощутимым сопротивлением вошла в подсыхающую глину — Какое действие мне нужно совершить. Конкретно.

— Стать нитью гобелена, — похрипел Джерри.

— Разрывай связь, — скомандовал Кельвин, — быстро, Джоули, иначе он умрет. Давай! Ты можешь!

Пальцами, дрожащими то ли от возбуждения, то ли от злости, то ли от страха, я торопливо открыла шкатулку, с пятой попытки вынула длинный, острый нож и провела по ладони.

Кровь полилась неожиданно обильно — на циновку, мои колени, куклу. Рядом закрутились вихри — духи Лоа, тянувшиеся на мерзкий запах.

— Условие выполнено, — сказал вдруг Джерри совершенно своим, привычным голосом и открыл глаза, в которых больше не было вселенской тьмы, — Ты хорошо разорвала связь, девочка. Духи сыты и довольны.

— Ну, хоть кто-то доволен, — буркнула я. Сил на досаду не было. Рука болела так, словно ее не поцарапали ножичком а, как минимум, оттяпали по локоть тупым мясницким топором.

— Разбери куклу, — велел Джерри, — сама. Тогда при следующей встрече ты его не испугаешься.

— Я его и так не боюсь! — ошетибилась я, но куклу разломала, вышла за порог и выкинула обломки подальше, в соленую воду. Говорят, вода смывает всю скверну. Хорошо бы так оно и было.

Когда я вернулась, свечи уже были погашены и убраны, хламида и цацки исчезли,

словно приснились. А Джерри, в широких шортах, суетился, доставая аптечку и пластырь.

— Давай руку, — скомандовал он, — нужно йодом смазать.

— Духи переносят столбняк? — съязвила я.

— Духи могут перенести все, кроме дерзких девчонок, которых родители забыли научить почтительности, — буркнул Джерри, обрабатывая и заклеивая царапину.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь — спать, — распорядился Кельвин, — ты на яхте, а мы с Джерри тут, на берегу, в гамаках. Утром решим, где оно — это начало.

Начало оказалось... в начале. Где ему еще быть?

«Мерс» несся по автобану так, словно за ним гнались все легионы ада. Кельвин вел очень сосредоточенно. И если сначала я еще питала какие-то иллюзии — поболтать по дороге, то уже спустя десять минут эти иллюзии испарились. Понятно, что отвлекать водителя на такой скорости — самоубийство.

Когда мы, вернувшись в Дом Кельвина, увидели по-хозяйски запаркованный во дворе черный джип, я, было, сдала назад. Но Кельвин спокойно прошел в гараж, выкатил «Мерседес», и вообще, вел себя так, словно был одет в плащ-невидимку.

— Джерри обещал, что Духи Лоа прикроют нас, — объяснил он, — Значит, они прикроют. На нас никто не обратит внимания. Ни эти бандерлоги, ни полиция. Но нужно торопиться, это ненадолго. Мы должны успеть пересечь границу штата.

Мы успели...

Передавая мне сумку с чертовой прорвой долларов, Кельвин был хмур.

— Ты уверена, что справишься одна?

— Да, — кивнула я — Не беспокойся. Я разгадала эту шараду.

— Поделишься?

Я расплылась в улыбке:

— Если только в обмен на поцелуй. Взрослый.

— Мне показалось, мы все выяснили, — Кельвин еще больше нахмурился.

— Выяснили. И один поцелуй ничего не изменит. Что тебе стоит?

— Мне — ничего. А вот тебе он может обойтись дорого.

— И что? Я состоятельна.

— Вот и не разменивайся по мелочам. Береги свой огонь, Джоули.

Собственно, я и не надеялась его уболтать. Так — шкодничала.

— Но ведь мы еще увидимся?

Он, наконец, улыбнулся: той самой своей улыбкой, когда не губы тянутся, а вспыхивают весельем глаза и вздрагивают брови.

— Ну, во-первых, я пока никуда не собираюсь. Не раньше, чем выясню, что у тебя все в порядке. А во-вторых — ты заметила, сколько мы сюда добирались?

— Два часа с четвертью, — машинально ответила я.

— Мой номер у тебя есть. Ровно два часа пятнадцать минут. От твоего звонка на мой телефон — до моего звонка в твою калитку. Два часа, пятнадцать минут — и я здесь.

— Черт, — моя ответная улыбка вышла кривой, — первый раз в жизни жалею, что мне шестнадцать — а не сорок.

— Да ладно, сорок, — Кельвин по-разбойничьи подмигнул, — на самом деле и

тридцати бы хватило. Ну, удачи тебе, драконенок. Если что — я рядом.

Он быстро обнял меня, так же быстро отстранил и подтолкнул к калитке. А сам пошел к парковке — и ни разу не оглянулся.

А я смотрела ему вслед — и отчетливо понимала, что не могу, просто не могу его потерять вот так, навсегда.

А потом пожала плечами и позвонила в дверь. В конце концов, соседний штат — не полюс, и хотя землетрясения у нас — штука обычная, вряд ли кора земли лопнет как раз между нами. А если и лопнет — мы что-нибудь придумаем.

* * *

Дома царила тишина, лишь тикали напольные часы в гостиной, да незакрепленные жалюзи слегка постукивали в окно от легкого ветерка. Но стоило мне войти, как дом ожил. Сначала появилась Софи, ахнула и немедленно скрылась. Потом на лестнице возникла Джанет: узкие красные брючки, белый топ, копна рыжих волос, небрежно отброшенных назад. Яркие губы не тронутые помадой. Я невольно залюбовалась ей. Джанет все любят, это нормально.

Ненормально было все остальное.

Я просчитывала сто вариантов ее поведения: от сдержанного, холодного скандала до ледяного молчания. А что касается реакции, то тут вариант был только один — запрет меня в мансарде и немедленно позвонит Харвесту...

Джанет стремительно сбежала с лестницы, подошла ко мне, всмотрелась... И вдруг порывисто обняла, и притиснула к себе с такой силой, что у меня чуть ребра не треснули.

— Глупая! А я уж надеялась, что ты и в самом деле смогла удрать на Аляску. Вербку твою убрала, обезьян этих дурачила, сколько могла. А ты решила вернуться?

— Решила, — согласилась я.

— Ты понимаешь, что Харвест будет здесь с минуты на минуту?

— Надеюсь. Нам нужно поговорить.

— Джоули!

— Джанет!

Она подняла растопыренные пальцы и запустила их в рыжие волосы. Совсем как я.

— Он... не тот человек, которого можно уговорить.

— Я и не собиралась.

Ее рука, дасково поглаживающая мое плечо, вдруг напряглась. Она привстала, вглядываясь в монитор видеокамеры над калиткой. Там как раз шли кадры нашего с Кельвином эпического прощания — почему-то картинка с нее всегда опаздывала на целую минуту, и сколько не пытались наладить сеть — бесполезно.

— Кто это? — резко спросила она и я в первый раз в жизни различила в ее бесстрастном голосе нотки паники, — Как ты умудрилась с ним познакомиться.

— Как и все происходит в этой жизни. Случайно, — я пожала плечами и невольно улыбнулась, провожая его глазами.

— Джоули, — севшим голосом произнесла мама, — Скажи, только честно... Что между вами было?

— Еще одна! — я закатила глаза, — Да успокойтесь вы все. Харвест пока еще ничего не потерял. С технической точки зрения.

— Плевать я на него хотела, — заявила Джанет.

Я опешила.

— Серьезно?

Она вскочила.

— Жди меня здесь. Только, умоляю, никуда не исчезай. Я быстро, — и она умчалась вверх по лестнице, словно ей выстрелили из катапульты. Я пожалала плечами. Все страньше и страньше. Разулась. Прошла в гостиную. Сунула под кресло сумку. Обнаружила пустой стакан. Понюхала. Ничем криминальным оттуда не пахло — если Джанет и глушила валериановые капли, то явно не в гостиной. А пустые стаканы — это форменное безобразие. Стаканы должны быть полными, на этом держится мир.

— Софи, — позвала я, — ты мне сделаешь сок?

Джанет появилась действительно быстро. В руке у нее была маленькая толстая книжка — я удивилась. Джанет, скажем мягко, не принадлежала к любителям чтения. Еще телевизор — куда ни шло. Но я ошиблась — это была не книга, а старый фотоальбом. Еще с тех эпических времен, когда фотки не загоняли в комп, а распечатывали на бумажных пластинах.

— Смотри, — сказала она.

Альбом раскрылся сам — и как раз на нужной странице.

Напротив какой-то дешевой забегаловки, у пересохшего фонтанчика, стояли молодые мужчина и женщина. Джанет здесь было лет двадцать, не больше. Феерическая красавица в длинном сарафане без бретелей. Самые красивые плечи в штате, а может и во всех остальных штатах. И за эти невероятные плечи ее обнимал... Кельвин. Обнимал с видом собственника, смея и гордясь. И была эта сладкая парочка безобразно счастлива.

Я подняла на Джанет совершенно круглые глаза.

— Он — твой отец, Джоули.

* * *

Бывают моменты, когда кажется, что мир сошел с ума.

А бывают моменты, когда ты ТОЧНО знаешь, что так оно и есть. И этот был как раз из последних. Я порадовалась, что сижу. Вспомнила ночь в домике у моря, покраснела... потом на ум пришел ритуал Вуду. Выходит, я отдала то, что мне было совсем не надо, а взамен получила то, без чего жить не смогу? Да-а-а. Злая такая магия, реально — происки Сатаны. Ничем другим это просто быть не может.

Джанет смотрела на меня напряженно, но молчала.

— Одного не могу понять. Как ты, такая отмороженная, умудрилась оторвать такого заводного мужика? Нет в жизни совершенства — и с гармонией напряг... Почему вы расстались? — спросила я.

— Потому что ты должна была родиться.

— Извини... не вижу логики.

— А как ты думаешь, такой, как Кельвин — смирился бы с Договором?

— А-а... — я хлопнула себя по лбу. В свете новых открытий Договор почти забылся, — Ну да! А ты не думала, что он мог бы что-то с этим сделать?

— Я боялась, что он попытается.

— Ну, так он и попытался, — кивнула я, — И у него получилось.

— Что ты хочешь сказать, — Джанет вздрогнула, словно от холода, хотя в комнате

стояла жара.

И тут прозвенел колокольчик над входом.

Мы переглянулись.

— Это Харвест! Он уже знает, что ты здесь. Если хочешь — беги через гараж, там твой скутер. Кельвин еще в городе? — я машинально кивнула, — он тебя увезет. Он отлично водит... По крайней мере, водил.

— Если что и изменилось, то только в лучшую сторону, — подтвердила я, — впускай гостя. И не паникуй, все под контролем. Интересно, где мой сок? Такое впечатление, что Софи там апельсиновое дерево растит.

Глава клана Вепря появился один, но, судя по звукам, парочка бандерлогов его все же сопровождала. И, наверное, какое-то количество... от взвода до роты, сейчас занимает стратегические места вокруг особняка, чтобы перекрыть мне все пути отступления.

Ну-ну...

Я смотрела на него: жесткого, хищного. Очень злого и встревоженного, но великолепно державшего себя в руках — и недоумевала: я и в самом деле его боялась? До паники? Между прочим, ростом он только на два пальца выше меня. Да и кость, я бы не сказала, что сильно широкая. Так — серединка на половинку.

— Добрый день, мисс Макферсон, — вежливо поздоровался он, — как съездили к морю?

— Великолепно, Харвест, — кивнула я и потянула сок из трубочки, — тебе не жарко? Я имею в виду, в костюме? Или он у тебя со встроенным кондиционером.

По лицу мужчины прошла судорога. Зуб прихватило?

Джанет, кажется, была в восторге...

— Сколько ты там мне обещал? Миллион — я пинком выкатила сумку из-под кресла, — не знаю, сколько тут этих миллионов. Пять или семь. Как-то не было времени посчитать... Макферсонам чужого не нужно.

На сумку Харвест даже не взглянул. То ли в нем победило духовное начало... То ли на повестке дня стоял вопрос поважнее.

— Надо было взять тебя год назад, — процедил он.

— Надо было, — согласилась я, — Сочувствую, Харвест, но тут уж ничего не поделаешь. Ты опоздал. Бывает.

— Что значит — опоздал? Ты ведь не...

— Я не... — Я улыбнулась, поймала его взгляд. И громко, чтобы мир слышал, четко, глядя ему в глаза, произнесла, — Я разрываю договор, Харвест. С этой минуты мы ничего не должны друг другу.

Он сменился с лица.

— Ты не можешь это сделать!

— Я только что это сделала.

Харвест прикрыл глаза. А когда снова открыл, в них была пустота.

— Поднимайся наверх и жди меня. Я буду через десять минут.

— Как скажешь, — я пожала плечами, — но лучше бы тебе этого не делать.

Он резко развернулся и вышел. С крыльца донеслись его отрывистые команды, похожие на лай.

— Ты уверена, что все делаешь правильно? И что это сработает? — спросила Джанет.

— Да, — хладнокровно соврала я, — на сто процентов. Не беспокойся. Лучше подумай, как будешь мириться с мужем.

— Что? — ее огромные глаза стали еще больше, — Да он меня и не вспомнит. Знаешь, сколько у него таких было.

— Он тебя до сих пор любит, — серьезно сказала я, — у него никого нет. Нет даже дамского халатика. И он до сих пор пишет для тебя музыку.

Я развернулась и пошла наверх, в свою комнату. За спиной послышался сдавленный всхлип.

Ладно, от слез еще никто не умирал. А у меня вроде как дело намечается, серьезное.

Гоблен все так же висел на стене. А куда бы он делся. Огромное окно старинного замка, открытое в небо, в котором, как большие черные птицы, кружили драконы.

У меня не было ни свечей, ни глины. Но это и не нужно — здесь не Вуду. Совсем другая магия. Хотя — кровь тоже прольется.

Я содрала пластырь с ладони, зашипела от боли, шевельнула кистью и приложила ее к старинному гобелену. Секунду ничего не происходило, и я успела слегка запаниковать. А потом на самом верху, в плетении, возник небольшой огонек. И он побежал по нитям, зажигая их и наполняя силой. Изнутри пахло ветром и кучей незнакомых запахов. Я, словно во сне, протянула руку — и она свободно прошла сквозь стену.

Что ж, все правильно. Я теперь — одна из нитей гобелена. И там, в этом незнакомом мире, мой второй дом. Пора? Пора! Если долго тянуть — что угодно порвется.

Я вскочила на подоконник башни старинного замка, с силой оттолкнулась и прыгнула в небо. В небо, которого никогда не боялась. И теперь я знала почему — я всегда была уверена, что эта загадочная субстанция — воздух, отличная опора для крыла. Разве может упасть и разбиться тот, кто умеет летать?

За моей спиной с громким хлопком развернулись огромные крылья. Я их не видела, но была уверена — они черные, чешуйчатые. И я — не птичка. Я — дракон. Ветер ударил в лицо, я заложила вираж, визжа от восторга, и кувырнулась в воздухе через собственный хвост.

Вот она — жизнь!

Подо мной расстилались поля, изредка их разрезали тоненькие полосы леса. Блеснула чаша озера.

Пожалуй, пора возвращаться. На первый раз хватит. Непривычные крылья болеть будут, да и заблужусь еще. Хорошенького понемножку.

Замок тут был единственный, башня — самая высокая, так что проблем с посадкой не возникло. Я, как пикирующий самолет, влетела прямо в окно, пытаюсь на ходу сообразить, как тормозят драконы: крыльями, лапами, хвостом? Да, а посадку надо было на земле отработать.

Я шлепнулась на кровать и услышала характерный треск — подломились ножки. Что еще? Телевизор свалила?

Но все это показалось абсолютно неважным, потому что прямо перед собой я увидела перекошенное лицо Харвеста. Глава клана Вепря был изумлен — до испуга. Видно, никогда с драконами не встречался.

Повел он себя и неадекватно, и невежливо. Выдернул откуда-то пистолет, и принялся палить в меня, целя в голову. Фу, как невоспитанно! Пули щелкнули по броне. Глубоко в

горле возникла щекотка, но эта гортань была не приспособлена для смеха. Я открыла пасть — и оттуда вырвалось пламя. Трындец комнате...

...Карету скорой помощи загнали прямо во двор, едва не помяв любимые маргаритки Джанет.

Харвеста выносили головой вперед и с открытым лицом.

— Он будет жить? — спросил Тим.

— И даже долго, — отозвался санитар, — Но пластический хирург на нем не хило заработает. Чем это его? Паяльной лампой?

— Да... что-то вроде.

— Весело живете.

— Обхохочешься, — угрюмо подтвердил Тим.

Я смотрела на всю эту суету отстраненно, потягивая сок и поглядывая в сторону Джанет. Она вела себя невозмутимо — как всегда. С царственной улыбкой объявила, что потерпевший, кажется, в сознании, вполне дееспособен, так что все объяснения они — и полицейские тоже, получают непосредственно от него. А она, слабая женщина, пережила потрясение, ей надо выпить успокоительный порошок и пригласить домашнего врача.

Едва вся эта толпа схлынула, Джанет повернулась ко мне с намерением вытрясти все подробности.

— Это не к спеху, — сказала я, — есть дело более срочное.

— Какое еще дело?

Я протянула ей телефон:

— Звони!

Она вздернула подбородок, намереваясь что-то сказать...

— Ты не хочешь поставить в известность своего мужа, что с вашей общей дочерью все в порядке? Он же беспокоится, он здесь. Предлог — лучше не выдумать! Давай, Джанет, вперед. Такие классные мужики на дороге не валяются.

ЭПИЛОГ

Мой восемнадцатый день рождения прошел как маленький национальный праздник — только что флаги не вывешивали. А так — полная идентичность. Снят лучший пляж побережья, полтысячи гостей, две группы: реп и фолк. Совершеннолетие дочери Кельвина Янга, который в этом году взял Оскара за лучшую песню к фильму!

Я и сама чувствовала себя звездой. Хотя с кино у меня не сложилось. С подачи Кельвина я попыталась попробоваться на роль в сериале, но оказалось, что в этом плане я — полная бездарность. Даже внешность не спасла.

Я, впрочем, не расстроилась. Сертификат пилота легкого вертолета меня вполне утешил. И после совершеннолетия я планировала подать документы в морскую спасательную службу.

Джанет на празднике появилась всего на полчаса, мило поулыбалась гостям, позеленела и скрылась в трейлере. По словам семейного доктора, беременность проходила нормально, для женщины ее возраста. Но тазики у нас стояли по всему дому, а Кельвин сбивался с ног, чтобы найти ее любимые яблоки, которые в это время года еще не вызрели.

Сейчас стало малость полегче — приехала бабушка, и мы получили несколько дней

отпуска.

— Ну, давай, Кельвин! Я знаю — ты этого хочешь, — наседала я, вытаскивая папу на берег моря, под звезды, — мы давно не виделись с Джерри. Он тоже соскучился. А ночь такая хорошая — прямо для полетов!

— Ну и давай зафрахтуем вертолет.

— Кельвин! Ну, где мы его там посадим?

— А тебя — где?

— Да ладно! Я уже очень хорошо приземляюсь, в прошлый раз на подоконник села.

— Это когда пришлось новую плазму покупать?

— В этот раз я буду аккуратна!

— Джоули, — Кельвин покачал головой, щуря смеющиеся глаза, — ну а если нас увидят?

— Ну, увидят... Что подумает чел, заметивший в черном небе огромного черного дракона? Что Америка в опасности?

— Он подумает, что у того парня на углу травку лучше не покупать, — со смехом признал Кельвин, — твоя взяла, Джоули. И как тебе удастся все время мной крутить?

— Ты поддаешься, — сказала я. Мысленно. А что толку сострясать воздух — мы оба знали ответ.

— Давай, — сказала я и обернулась огромным, черным, чешуйчатым зверем. Кельвин уселся мне на загривок, сжав его коленями. Я подобралась — и прыгнула в небо.

Прямо по курсу нас ждал остров, где мы будем через пятнадцать минут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net